

БОБРОВА
ЕКАТЕРИНА

ЛИСИЙ
ПЕРЕПОЛОХ

Екатерина Боброва

Лисий переполох

<https://litres.ru/73790246>

SelfPub; 2026

Аннотация

Выжить. Вернуть тело. Свести счеты. Даже на четырех лапах.

Да Ли Я шла к успеху: диплом Пекинского университета, победа в конкурсе стажеров корпорации «Пинг Арт», но соперница сыграла по-грязному - с помощью темного колдовства вышвырнула душу героини из тела и вселила в лису.

Теперь ее дом - промозглый осенний лес. Враги - голод, охотники и демоны. Единственная надежда вернуться - жемчужина дракона и принц, которого нужно найти в мире, где стрелы смертельнее сплетен, а храмы прячут больше секретов, чем корпоративные серверы.

Если вам нравится: атмосфера восточного фэнтези, как в «Легенде о Чжань Цяне»; тема телесного перерождения, как в «Девушке-лисе»; и стойкость героини, как у Китнисс Эвердин из «Голодных игр», эта книга для вас.

Екатерина Боброва

Лисий переполох

Глава 1, в которой коты не коты, а лисы не лисы

- Ты больше мне не помешаешь!

Изображение в зеркале стало убийственно четким: чужая комната, старая мебель, белый прямоугольник в руках сидящей за низким столиком бабули, черные свечи на столе. По полу расставлены уродливые статуэтки. Дым от воскуренных благовоний тянется к потолку, словно чье-то тяжелое дыхание. И совершенно чуждая этой обстановке - Цай Сяо в розовом гламурном костюме, в блестках которого плясали огоньки свечей.

Сверкнув массивным перстнем, бабуля повернула лист, потянувшись им к свече, и похолодев от ужаса, я увидела на фото свое лицо.

- Твое станет моим, а тебя забудут... - злорадно пропела коллега, прищелкивая пальцами – алый маникюр показался мне каплями крови. Идеальные губы исказил злобный оскал, превращая Цай Сяо в кровожадную тварь.

- Все так, внученька, все так, - закивала болванчиком бабуля, и на краешке бумаги заплясал желтый огонек.

- Не-е-ет! – собственный крик потонул в обрушившейся сверху тьме.

Накануне

- Да Ли Я, зайдите ко мне, - попросила начальница, проходя мимо моего стола.

В первый миг я замерла пойманным на морковной грядке кроликом, с невероятной скоростью прогнала поданный вчера отчет – вдруг озарит и я пойму, где накосячила, но мозг выдал успокоительное: «Ошибок нет».

- Удачи! – улыбнулся мне Ли Минг, салютуя кружкой кофе, и я тепло улыбнулась в ответ.

Парень был первым, кто хорошо отнесся ко мне в офисе и не раз помогал решать проблемы – стажерам всегда непросто. А еще он был красавчиком: высокий, с идеальной, правленной хирургом внешностью и приятным характером. Мечта, а не жених. Вдобавок с перспективами – недавно получил повышение до заместителя отдела, а это означало, что должность начальника не за горами.

Надо ли говорить, какой популярностью он пользовался в компании... По случайности мне дали место рядом и поставили к нему стажером. Так что на второй день я банально подкупила его шоколадными конфетами.

- Мне нельзя сладкое, - причмокивал он, закатывая от удовольствия глаза.

- Больше не приноси. Разве что чуть-чуть. «Аленку», например. Говорят, это у вас лучший шоколад.

Я фыркала – молочный никогда не уважала – и притаскивала ему чернослив в шоколаде.

Офис тихо завидовал, а коллеги-стажеры, определив метод подкупа, как грязно-недостойный, удалили меня из чата, демонстративно не приглашая на обеды или выпивку по вечерам.

Я не расстраивалась. Все равно в живых, то есть в штате, останется один. Так к чему эта напускная дружба? Дурацкие тосты по вечерам в барах: «Мы новички! Мы команда! Мы будем усердно трудиться!». И при этом каждый готов подставить друг друга, чтобы попасть в вожаемый штат. Впрочем, признаю – здесь было за что драться.

«Пинг Арт» являлась крупной корпорацией по страховым и финансовым услугам. Мы занимались всем: от консалтинга до инноваций, и на счету компании была уже куча успешных стартапов, а сама «Пинг Арт» постоянно мелькала в прессе и на новостных порталах. На нас ориентировались, как на флагмана экономики.

Потому я сильно удивилась, когда полгода назад они утвердили мою кандидатуру на стажировку.

Новичок после магистратского диплома Пекинского университета? Еще и с российским бакалавром? Чудо, которое не должно было случиться, но произошло.

- Это потому, что ты закончила Пекинский университет и у тебя самая сильная работа по бизнес-управлению на курсе, - с гордостью говорил отец, услышав о моем успехе.

- Просто ты у нас умная и красивая, вот они и оценили, - с меньшей гордостью добавляла мама.

- Если бы я не занимался с ней китайским на каникулах, она бы работала продавщицей в вашем Благовещенске, - ворчал счастливо дед.

- Внешностью она в меня, - горделиво замечала бабушка. Я действительно многое взяла от бабушки. Волосы жесткие, цвета вороньего крыла, фигура хрупкая, глаза черные. От мамы мне достались средний рост, светлая кожа и узкое лицо.

Азиат с европейским оттенком, - шутила про себя в сети. Как вы поняли, я из смешанной семьи, типичной для приграничья. Отец китаец, мама русская.

Имя Дарья тяжеловато для произношения, так что семья отца называла меня Да Ша, а коллеги по работе Да Ли Я.

Китайский мне с детства давался легко. Каникулы я проводила с родственниками отца, так что от отсутствия практики не страдала. Многочисленные родственники обожали приглашать русскую девочку на чай, угощая вкусностями.

И на магистратуру Пекинского я легко прошла по языку, зато с остальным пришлось повозиться.

Впрочем, учиться я любила. В школьные годы чем только не занималась от походов с ориентированием, танцев, тхэквондо до исторического фехтования. Пару лет ходила на уроки гитары. Словом, обычный ребенок из любящей семьи, чьи родители пытались вырастить разносторонне развитое чадо.

Одно время дедушка настаивал, чтобы я училась в Китае

и сразу поступала в китайский ВУЗ, но меня не вдохновляла учеба с утра и до позднего вечера, которую требовали местные школы. Я не желала просиживать днями за зубрежкой. Хотелось заниматься чем-то приятным для себя. Тусить с реконструкторами. Разучивать аккорды. Рисовать мангу.

С дедом мы сошлись на том, что я беру курс каллиграфии. Улучшаю свой китайский. И получаю второе высшее в Китае. На какое-то время от меня отстали. Зато весь бакалавриат я готовилась к поступлению в Пекинский университет, чтобы стать гордостью семьи.

Стала.

Закончила с высокими баллами и попала на стажировку в «Пинг Арт», что стоило мне кучи нервов, бессонных ночей и бесконечной учебы.

- Можно? – постучала я в кабинет начальницы.

- Заходи, - пригласила Чжан Юйлинь.

Милая она. Невысокая, хрупкая, одетая со вкусом, всегда приветливая и с легкой улыбкой на лице. Но внешность обманчива... В бизнесе эта леди сделана из железа. За промахи жрет, как акула – только хруст костей стоит. Впрочем, другие здесь не выживают – высокая конкуренция. Проявишь мягкость – сомнут.

Нас, стажеров, она усердно гоняла, выговаривая за ошибки вкрадчивым голосом садиста, от которого, лично у меня, мурашки на коже бегали. А еще Чжан Юйлинь ухитрялась смотреть снизу вверх так, что я себе недалекой мышкой чув-

ствовала в ее цепких железных когтях.

- Я просмотрела твой отчет. Очень хорошо. Ты меня последнее время радуешь, Да Ли Я, - и меня огладили ласковой улыбкой.

- Продолжай в том же духе, компания тебя оценит.

Внутри словно маленькое солнышко зажглось от теплой похвалы начальства.

Кажется, я получила намек, что в штат возьмут именно меня. Не хотелось думать о том, что начальство таким образом стимулирует каждого из стажеров. Верилось в собственную исключительность. Глупо? Зато оптимистично.

Цветисто поблагодарив за доверие и обещав дальнейшие трудовые подвиги, я откланялась.

Возвращаться к себе не хотелось. Эмоции внутри искрились, рвясь наружу – усидеть на стуле сейчас я бы точно не смогла.

Представила, как обрадуются родители. Каким гордым будет ходить дед! Засядет на улице в закуской тетушки Ван и будет рассказывать каждому из посетителей, какая у него умная и образованная внучка. И какая красивая! Еще и готовит вкусно!

А бабушка будет ругаться, что так нормального жениха уже не найдешь - времена не те, и надо обращаться к свахе, которая портал держит и анкеты невест с женихами в сеть выкладывает.

Я завернула на кухню. Взяла гостевую чашку. Ко-

фе-машина затарахтела, перемалывая зерна. Успокаивающей струйкой полился кофе, щекоча ноздри горьковатым ароматом.

Расслабляться рано. До объявления итогов еще неделя. Если накосячу с чем-то... Потеряю шанс на работу. Ничего личного. Только бизнес. Когда вокруг столько красивых и умных, выживает самый удачливый.

В компартию что ли вступить для увеличения шансов? Хотя просто так туда не берут...

- Да Ли Я, ты уже получила пригласительный на годовую презентацию компании?

Так задумалась, что проворонила подкравшегося в мягких туфлях Ли Минг. Парень подошел близко, обдавая ароматом дорогого парфюма.

Покачала головой.

- В этом году наш отдел отвечает за прием гостей. Я дам тебе личный номер. Дел будет много, возможно придется и после работы встречаться, - парень тяжело вздохнул, представляя себе грядущий вал проблем. Открыл термос, стал наполнять его кипятком.

Второй смысл его слов я осознала не сразу. Доходит, как до жирафа... А ведь очевидно же. Презентация назначена на конец декабря. Сейчас начало ноября.

То есть...

За спиной тихо охнули.

Я повернулась, чтобы успеть лицезреть вытянувшееся ли-

цо стажерки Цай Сяо. Вот кто у нас любитель похвастать брендовыми вещами, высоким статусом родителей и полученным образованием. Прекрасное личико – творение не одного пластического хирурга. Учеба в Лондоне. Идеальный английский. Ребенок денег и власти.

Мне с простой семьей такой уровень жизни и не снился.

Хотя если честно, лично мне простота дороже ее богатства. У Цай Сяо же постоянная боязнь не уронить себя, например, знакомством со мной. Было такое при встрече, когда мы обменивались инфой, кто из какой семьи. И гримасу Цай Сяо состроила такую, словно белой туфлей на половую тряпку наступила...

- Извините, - пробормотала она, кусая губы. Кружка в ее руках мелко задрожала, взгляд сделался больным. Девушка круто развернулась и вылетела из закутка, где у нас находилась кухня.

- Н-да, нехорошо получилось, - задумчиво проговорил Ли Минг. Закрутил крышку термоса. Встряхнул.

- Все равно узнала бы, - пожал он философски плечами. Потом хитро улыбнулся и попросил: - Только ты – молчок! Не говори никому. Официально результат объявят через неделю.

- А это точно, что я? Гм, останусь? – кофе стыл, мой голос тоже. Волнение стискивало горло, заставляя мямлить.

- Конечно, ты мне сразу понравилась, - тоном большого начальника произнес парень, добавляя покровительственно:

- Держись меня - не пропадешь.

- Главное, доживи до конца отбора, - сделался он вдруг серьезен.

Я кивнула. Ну да. Что может быть легче? Всего лишь дожить.

Ночью я проснулась от резкого чувства тревоги. Подскочила на кровати в холодном поту.

Кошмар? Вроде нет.

Тогда что меня разбудило?

Внезапно от прикроватного зеркала потянулся луч света. Поискал что-то на полу. Полез на кровать. На всякий случай я отодвинулась подальше.

А зеркало продолжило оживать, творя кошмар. Подернулось туманом, заволновалось, задрожало и разродилось знакомым до боли голосом.

- Пусть эта тварь Да Ли Я сдохнет!

Главное, с таким чувством было сказано, что я себя прям лишней в этой жизни почувствовала.

- На смерть быстро не получится. Тут время требуется, - скрипуче возразил кто-то из тумана.

Да что за чертовщина здесь происходит? Я все еще сплю? Мозги онемели от происходящего – ни единой здоровой мысли в голове.

Открыла было рот – позвать на помощь. Потом вспомнила, что пару месяцев, как съехала на съемную квартиру – поближе к работе.

Руки зашарили по одеялу в поисках спасительного мобильного, но тот розовел чехлом на столике в убийственной близости от зеркала.

- Могу ее душу из тела выкинуть и в другое вселить. Был у меня волос где-то... Кошачий вроде. Непростой. Волшебный. Много денег за него отдала.

- Плевать на твоё волшебство! Сделай так, чтобы она больше в компании не появлялась, чтобы Ли Минг забыл о ней и на меня внимание обратил.

- Я ж тебе приворот давала! – хрипло возмутилась женщина.

- Не сработал он, пока эта тварь перед глазами маячит. Сама говорила – против истинных чувств он бессилён. А мне плевать на его чувства, я должна стать его девушкой, и я ею стану!

- Хорошо-хорошо, внученька. Сейчас все устроим. Как душа ее тело покинет, так она в кому и впадет.

Тут мне стало совсем плохо. Я дернулась было – рвануть подальше от жуткого зеркала, но тело окоченело. Застыло на кровати, не в силах пошевелиться.

- А не очнется? – въедливо уточнила Цай Сяо.

То есть ей комы мало? Смерти моей хочет, гадина.

- Не очнется, - хрипло хохотнула бабуля. – Кошки недолго живут. Погибнет она, погибнет и душа, что будет в ней.

- Сделай милость, Да Ли Я, сдохни. Иначе, клянусь, я убью тебя сама и ты мне больше не помешаешь!

Изображение в зеркале стало убийственно четким: чужая комната, старая мебель, белый прямоугольник в руках сидящей за низким столиком бабули, черные свечи на столе. По полу расставлены уродливые статуэтки. Дым от воскуренных благовоний тянется к потолку, словно чье-то тяжелое дыхание. И совершенно чуждая этой обстановке - Цай Сяо в розовом гламурном костюме, в блестках которого плясали огоньки свечей.

Сверкнув массивным перстнем, бабуля повернула лист, потянувшись им к свече, и похолодев от ужаса, я увидела на фото свое лицо.

- Твое станет моим, а тебя забудут... - злорадно пропела коллега, прищелкивая пальцами – алый маникюр показался мне каплями крови. Идеальные губы исказил злобный оскал, превращая Цай Сяо в кровожадную тварь.

- Все так, внученька, все так, - закивала болванчиком бабуля, и на краешке бумаги заплясал желтый огонек.

Другой рукой она поднесла к листу нечто невидимое – похоже, тот самый волос, и он вспыхнул ярко-рыжим огоньком, потом мигнул зеленым - по фото побежали кольца пламени.

Что удивительно, бабка держала в руке пылающую бумагу, даже не морщась от боли. Губы ее шевелились, глаза были закрыты. Моей жизни пели последнюю песнь, проклиная.

- Не-е-ет! – собственный крик потонул в обрушившейся сверху тьме.

Мир медленно вплывал в сознание. Сначала появились запахи: резкие до тошноты. Трава, гнилая листва, вода и какое-то зверье. Потом вернулись звуки. Их оказалось подозрительно много. Где-то скрипнула ветка, чирикнула радостно птица, капнула с листа роса, в отдалении слышалось мерное журчание ручья.

Стоп. Я все еще сплю? Или это продолжается кошмар с Цай Сяо? Надо же как подсознание отреагировало на угрозу провалиться на работе. Что бы там ни говорил Ли Минг, отбор еще не закончен. Понятно, ему хочется продвинуть свою протезе, то есть меня, но окончательное решение за начальницей и отделом кадров.

Ладно, кошмар был и прошел. Нужно проснуться.

Я потянулась, зевнула и... уткнулась лицом в нечто мягкое и шерстистое, пахнущее... Чем? Шерстью?!

В следующий миг я стояла, ошалело обозревая качающийся перед взглядом лист. Пугающе большой, за которым виднелась здоровенная ветка и толстый, покрытый корой, ствол. У меня волосы на теле аж дыбом встали от такой неправильности.

Где я? – занервничала всерьез. Меня мягко шлепнули по боку.

Скосила глаза и с полным офигиванием рухнула на попу. Вот это негатив!

Поздравьте меня, я лиса. Натуральная такая... рыжая... С хвостом, который заканчивался белой шерстью.

Совсем рядом кто-то крякаяще тьякнул. В панике подпрыгнув, я зарычала, припав на передние лапы.

Твою же...

До погруженного в прострацию мозга не сразу дошло, что тьявкаю и рычу именно я.

Смущенно тьякнув напоследок, я заткнулась. Села. С печалью обозрела лист – какой же он все-таки здоровый! Задрала морду к небу. Хм, светает. Звезды тускнеть начали, а стволы деревьев четче выступать из темноты.

С черным удовлетворением подумала, что бабка все-таки ошиблась. Это был волос лисы, а не кота.

Откуда он у нее? Еще и «волшебный»... Интересно, что это значит и значит ли что-то?

Но лисой, наверное, быть лучше. Кошке страшнее в городе живется. Там и машины, и люди, и собаки... Хотя еду добыть проще. А еще найти бабушку, которая возьмет к себе и будет кормить, чесать... Кормить хрустиками...

А лису никто к себе не возьмет, разве что шкуркой, чтобы было из чего шубу сделать.

Так... от людей подальше. К природе поближе. И переходим на подножный корм. Зайчики там... Птички...

Нервно переступила с лапы на лапу, обернулась хвостом. Поежилась – с ручья потянуло свежестью. А еще оттуда слышался заманчивый перетоп, словно маленькие лапки ритмично наступали на землю.

Мышь!

Тело азартно напряглось, уши – прям локаторами стали, глаза впились в рассветные сумерки. В пустом желудке с предвкушением заурчало. В пасти уже ощущался вкус свежей крови, слышался хруст нежных косточек на зубах...

Я содрогнулась, встряхнулась, спасаясь от наваждения.

Дичь какая! Я человек! Который звучит гордо.

Звучал.

Всхлипнула. Хвостом утешающе прошлась по морде.

Очень голодный человек...

Который лиса.

С двумя высшими образованиями и практически заработанным местом в крутой корпорации.

Представила, как являюсь к Ли Мингу, сажусь около стула, кокетливо махнув хвостом: «Здрасьте, это я».

Визгливый смех смешался со звонкими переливами ручья. Порскнула в нору испуганная мышь. А я продолжала истерически хохотать, пока не заболели легкие и не скрутило пустой живот.

Какое-то время сидела, тяжело дыша и сглатывая слюну.

Нет, я так долго не протяну... Если не голод, то истерики меня точно добьют. Лучше бы у бабки был кошачий волос, честное слово... Можно было к Ли Мингу домой напроситься... Стала бы его любимой кошечкой...

Тряхнула башкой. Почесала за ухом.

Подпрыгнула – у меня блохи?!

В ужасе прислушалась к себе, но вроде никакого шевеле-

ния в шерсти не ощущалось.

Отпустило...

Отправилась к ручью, напилась ледяной воды. Принюхалась – под корягой пахло лягушкой. В теории – это тоже мясо. Говорят, курятиной отдает. Представила, как беру в пасть это вот склизкое, пупырчатое, воняющее тинной... и спазм подкатил к горлу.

Нет, так не пойдет. Нужно принять ситуацию, что я лиса. И где-то там, в комнате, лежит в коме мое тело... Как быстро меня найдут? Думаю, уже завтра, точнее сегодня.

Хм, дальше будет больница.

Ушки предвкушающе шевельнулись.

Вдруг врачам удастся перебороть бабкино проклятие? Все же медицина сейчас шагнула далеко вперед. Применят ко мне какую-нибудь технологию и вернут сознание обратно.

Хвост возбужденно заметался по бокам.

Странное это чувство занять пятую конечность... Еще и уши своей жизнью живут, улавливая столь много всего, сколько мне и не требовалось в человеческой жизни. Я словно в постоянный поток звуков встроена.

Не важно, завтра я вернусь, забыв это приключение, как страшный сон.

Родные точно будут пытаться до меня дозваться. Так что никаких отвлечений. Сижу и слушаю свое внутреннее «я». А пока...

Я отвернула нос от вкусно пахнущей мышиной норы. По-

скребла лапами, устраиваясь поудобнее на куче листве и, свернувшись калачиком, улеглась под куст. Зевнула, подкладывая хвост под щеку.

Нужно экономить силы.

Прикрыла глаза и задремала, оставив уши дежурить – вдруг кто страшный в гости заявится?

Боялась, что не засну от стресса, но стоило расслабиться, как вторая, звериная часть взяла вверх и вырубилла человеческую.

Глава 2, в которой лиса пытается быть мудрой и чуточку храброй

Солнечный луч пощекотал нос, забрался внутрь, вызвав неудержимое желание чихнуть. От чиха я и проснулась. С некоторым удивлением оглядела свисающую к лицу ветку с листьями на ней.

Какого...

Потом вспомнила – и тело словно в ледяную воду окунули. Я жалобно заскулила, причитая. Тут же испуганно смолкла – вдруг услышит кто. Мир вон огромный какой. Наверняка в нем масса желающих покуситься на маленькую лисичку.

Так. Я лиса. Вдох, выдох, принятие. Панику послать подальше.

Глянула по сторонам. Мамочки, какое здесь все большое! Сосны уходили в небо колючими шапками крон. Их теснили мощные дубы и липы, меж которых зелеными свечками сто-

или туи и пихты. Листья на деревьях в основном облетели – ноябрь же. Но некоторые, как, например, мой куст, все еще были одеты в желто-красные наряды.

Вероятно желтые. Мое зрение сейчас сместилось к си-не-зеленой гамме, воспринимая остальные цвета серыми. То есть мозгом я понимала, что лист должен быть желтым, ну или красным, а глаза упорно рисовали серую зеленость.

Сквозь паутины листвы было видно, как небо начало хмуриться, закрываясь недружелюбными тучами и обещая расплакаться дождем.

С содроганием представила, как намокает шубка, а фена – высушить – здесь нет. Потянулась вылизать бок. Осознала вкус шерсти во рту. Выплюнула пару шерстинок. Закатила глаза.

Не знаю, как со стороны выглядит закатывающая глаза ли-са, но я сама себя осудила, мяукающе твякнув.

Капец.

Еще и жрать хочется... Аж лапы подгибаются. Заинтересовано посмотрела на мышиную нору. Задумалась: как достать оттуда еду. Разрыть лапами? Или выманивать мышь наружу? А может просто посидеть в засаде?

Ничего толком не решив, напилась воды, попутно полюбовавшись собственным отражением.

По внешнему виду я вроде не старая. Усы еще не седые. Морда небольшая, узкая. Ушки такие симпатичные. Шерсть ровная, здоровая, зубы белые.

Итак, я молодая лиса. Значит, неопытная. И как мне еду добывать, мое хвостейшество?

Человеческой мне виделся единственный вариант – воровство. Помойки там... Я же читать умею, соответственно пойму, где что можно взять. Неплохой план. Осталось только до этих помоек добраться...

Но сначала...

Забралась на высокий серый камень. Поймала мордой луч удачно выглянувшего солнца. Прикрыла глаза, уходя вглубь себя.

Где-то там, на больничной койке, лежит впавшее в кому тело. Нас сейчас разделяет неизвестно сколько километром, но душе расстояния не важны. Ей важнее вернуться, а на возвращение заслонкой стоит проклятие.

Мне бы в храм... Помолиться. Авось, высшие силы и заступятся. Я же не сделала в жизни ничего особо дурного, за что мне такое испытание? Или сделала? Прошла мимо нуждающегося, не протянув руку помощи. Или осудила? Или... Нет, так до бесконечности в себе копать можно. Совесть всегда найдет к чему придраться...

Это все – расплата за удачу. Чем выше ступенька, тем сильнее падать вниз.

Не хочу вниз. Не желаю лисой. Попадись мне сейчас Цай Сяо, с каким наслаждением я бы в нее вцепилась!

Зарычала с предвкушением. Осознала собственную глупость.

Где я, а где Цай Сяо? Сидит, небось, в офисе и Ли Минг нагло клеит. Еще и соболезнования не постесняется принести, мол, как теперь он без стажера... И как та могла заболеть в столь ответственный момент?! Ни стыда, ни совести.

Разъяренно твякнула. Устыдилась. Мне о другом думать надо. О том, например, что лису в храм не пустят. Одна надежда - на молитву мамы. Отец... не особо верующий, предпочитая больше полагаться на себя, чем на Бога.

Я честно попыталась помолиться сама и даже вспомнила пару молитв, разученные в детстве, но мысли путались, разбегаясь мышами... И вместо высокого и светлого мне виделась жаренная курочка с кусочком сыра... Пельмени...

Мне бы хоть корочку хлеба сейчас...

Скупая лисья слеза покатилась по морде.

Хвост еще не раз проходился по морде, пока я пыталась нащупать ту невидимую связь с телом. В этом лесу я точно была самой плаксивой лисой и самой голодной.

Устала и вымоталась так, словно себя уже похоронила.

Похоже, сегодня я не вернусь в свое тело. Вероятно, и завтра тоже. Но сдаваться рано. Я жива, значит, есть шанс. А пока стоит заняться насущным – пропитанием. Я такая голодная – и на мышь согласна.

Судя по погоде – занесло меня южнее Пекина. Снега еще нет, ночью было относительно тепло – около нуля, а днем температура поднялась градусов до десяти.

На земле островок пожелтевшего папоротника – выше ме-

ня ростом, между прочим. Мох кое-где, в основном меж камней. Под лапами опавшая хвоя, листья и пожухлая трава. Мне показалось, сквозь стволы далеко впереди проглядывали склоны холмов или низких гор, но поручиться не могла. Да, зрение стало острее, но его все равно не хватало для четкости деталей.

И сколько я не всматривалась, сколько ни вынюхивала... ни единого следа человека, ни одной мусоринки: заваливающейся там упаковки из-под чипсов или пластиковой бутылки.

Это в какую глухомань меня занесло?

Ладно, лису кормят лапы. Или это про волков было? Не важно.

Я бежала по лесу, устремив нос по ветру. Своего рода местный интернет. Столько информации... Мозг не успевал обрабатывать, вычленяя главное. Тут прошла семья кабанов. Давно. Но метки еще вполне читались. Про кабанов я бы не догадалась, однако пришла подсказка от моей звериной половины. Не словами, конечно. Образами, опасностью, от которой шерсть на загривке встала дыбом. Там мышь пробежала. А в стороне, лежку устраивал олень.

Странное это чувство – реагировать на эмоции частями тела. Хвост, например, жил своей жизнью, дергаясь и мотаясь. Уши тоже. Да и шерсть, когда злиться начинала, вставала дыбом. Я словно итальянка с безудержной жестикуляцией теперь.

Глаза выпепили нечто красное на ветке кустарника. Све-
рилась с собой. Кажись, съедобно. На калину похоже. Вроде
это она и есть.

Ягоды были вяжущими, горькими, но мне не до перебора
сейчас.

Главное – много их. Утолить голод хватит.

Увлеклась. Сигналом тревога стала треснувшая ветка, я
дернулась, а в следующий миг перед носом в землю со сви-
стом воткнулась стрела.

Мамочки!

Настоящая, твою же... с черным оперением. И закачалась
такая...

Я подпрыгнула, запуталась в лапах, хвосте, потом все же
постаралась отстраниться от звериного сознания и со всех
лап рванула прочь.

Тут ветер слегка поздновато донес человеческий запах...
И вот никакого желания знакомиться с тем, кто покушается
на мою шкурку.

Как я неслась... Аж в ушах свистело. Инстинкт гнал впе-
ред. Прыгнуть на камень, поднырнуть под ветку, проскольз-
нуть меж стволов, перепрыгнуть через яму, скатиться с овра-
га, плюхнуться в ручей. Поспешно выбраться, отряхнуться.
Осознать, что я не по воздуху перемещаюсь и на земле оста-
ются мои следы. Ужаснуться. Выругаться и... вернуться в
ручей. Преодолевая отвращение, пошлепать по холодной во-
де. Хорошо, глубина небольшая.

Интересно, охотник с собакой? Вроде нет. Лая не слышно. Хотя, какие сейчас собаки?! Во многих областях Китая вообще запрещено держать охотничьих собак.

На ходу хватанула воды – в горле пекло.

Стоп! Какие к чертям стрелы? Двадцать первый век! Тут охотники с дронов добычу отслеживают...

От понимания, что ничего не понимаю, я едва не поскользнулась на камне. Судорожно оглянулась – вроде никого. Чуть замедлила темп, перейдя на рысцу.

Итак, у нас стрела. Ешки-матрешки! Мозгам, итак, непросто работать в лисьем сознании, а тут такой напряг. Главное – какой простор для фантазии... От попадания меня в прошлое до чудака, решившего поиграть в древнего охотника. Может, у него хобби такое – с луком охотиться. Мало ли идиотов на свете.

Точно не мало. Одну я прекрасно знаю – себя. Расслабилась. Пошла жрать ягоды на открытое место. Чуть стрелу в зад не получила.

От ледяной воды немели лапы, но я упорно шла вперед. Когда встречался каменистый берег – выходила погреться.

Удаляться от ручья не хотелось. Верилось, рано или поздно он приведет меня к реке, а та – к жилью.

Хм, а надо ли мне к жилью? Там и собаки могут быть...

Надо. Кроме помоек и еды меня мучил большой вопрос: где я все-таки. И его необходимо закрыть, чтобы понимать, как действовать дальше и не сойти с ума от неизвестности...

Когда солнце клонилось к закату, ручей перегородила поваленная верхушка дерева – молния постаралась. Я вспрыгнула на нее. Прошлась по бывшему гиганту дубу, вдыхая горьких запах прелых листьев и старых желудей. На месте слома в стволе образовалась уютная выемка, заполненная мхом, листьями и ветками. Идеальное гнездо. Да и высота нормальная – с земли не разглядишь.

Потопталась. Вяло грызнула желудь. Выплюнула с отвращением. Укрылась хвостом и забылась тревожным сном.

Достижение первого лисьего дня – жива.

Неудача: поесть нормально не дали.

Утро порадовало солнцем. Оно несмело проглядывало сквозь стволы деревьев, бросая блики на покрытую изморозью траву и рассыпая брильянты на паутинах. Ясное небо приятно намекало на солнечный день. И настроение сразу улучшилось.

Кстати, я вроде как ночное животное и в темноте хорошо вижу, так почему я по ночам дрыхну, а днем шарахаюсь у всех на виду?

Задумчиво почесала за ухом. Ответа не нашла. Нужно перестраиваться. Днем залягу где-нибудь, а с закатом отправлюсь дальше.

И снова на повестке все тот же вопрос: что кушать изволим? А следом: как поесть так, чтобы саму не сожрали.

Но сначала пятиминутка обзоров и чтения новостей.

Я старательно втянула воздух носом. Местная «телега»

обрадовала тем, что ночью к ручью на водопой приходил олень, а под деревом жила водяная крыса. М-м-м... вкусная, наверно. Но нырять за ней в нору я точно не буду.

Сородичами не пахло. Это я про людей, если что. Прекрасная новость. Значит, охотник не смог меня выследить. Ну или не захотел. Мы ж ленивы. Тут я снова про двуногих. Фоточку, небось, для сетей сделал. Постик сварганил. И довольный отправился домой. Хотя за охоту на лису его зоозащитники на вилы подымут. Образно, конечно.

Озираясь и прислушиваясь – паранойя, здравствуйте – я спустилась вниз.

Некоторое время трусила вдоль ручья, пока не вышла на берег реки.

Ура! Я была права. Ручей привел, куда нужно. Теперь осталось решить: направо или налево.

Переплывать на другой берег не стала, а потому отправилась налево.

Около старого пня притормозила. Один его бок полностью развалился, обнажая бело-серое трухлявое нутро. И там, в древесине, некто соблазнительно копошился...

Сглотнула слюну. Повела носом. Дернула лапой по пню, выворачивая внутренности. И в мучительной нерешимости застыла над кучей трухли.

Подозреваю, выглядела я сейчас до крайности глупо. Уши прижаты. Хвост молотит по бокам. Пасть открыта и из нее свисает капелька слюны. А я не могу решиться и взять в

пасть прозрачно-белое тельце личинки древоточца. Жирное такое... Питательное. Наверняка там много белка.

А если проглотить, не жуя? И думать при этом о креветках. Так-то похоже, да.

Осторожно приняхалась. Личинка пахла деревом и еще чем-то кислым.

Зажмурилась. Перестала дышать. И осторожно взяла ее зубами.

Быстро заглотила, пока не передумала.

Выдохнула.

Ой, все. Квест пройден.

И я в азарте принялась перерывать пень в поисках «креветок».

Дым от костра настиг меня, когда я старательно сгребала листву, устраиваясь на ночевку меж корней ветвистого клена.

Это был долгий день... Я пробовала выманить мышь из норы и ради этого поплясала на холмике, подпрыгивая на четырех лапах и крутясь волчком. Безрезультатно. Мои скачки ее не впечатлили. Еще глубже ушла, зараза.

Рыть нору оказалось грязное и утомительное занятие. Мышь уходила все глубже и глубже, а на слух – там пара метров тоннелей, не меньше.

Тогда я попыталась притвориться мертвой и обмануть стрекочущую сороку. Кажется, надо мной просто поржали,

нагло попрыгав по веткам над головой, а потом улетели, стоило шевельнуться.

Не знаю, чего мне не хватало то ли мозгов, то ли опыта, но охотник из меня вышел фиговый. В итоге поела ягод барбариса, оставив на колючем кусту пару клочков шерсти. На грибы засматривалась, но знакомые не попадались, а те, что встречались, доверия не вызывали.

Вечером полезла под корни клена – на ночевку. И тут ноздри защекотал запах дыма...

Сосиски, небось, жарят, - подумала с возрастающим раздражением. Желудок ответил негодующим бурчанием. Или говядину варят с рисом в котелке.

Утром проверю, может, мусор какой оставили.

А если все уберут за собой? – мелькнула паническая мысль.

Ешки-матрешки! Опасно же! Но голод толкал, требуя отправиться на разведку.

Так-то в темноте я вижу лучше любого человека. Смогу незаметно подкрасться и проверить, что к чему. Вдруг там не охотник, а просто турист? Они порой лис подкармливают за красивые фото. Мне не жалко, я и попозировать могу... Лишь бы покормили.

Решилась. Медленно, пригибаясь и прислушиваясь, ползла в сторону, откуда доносился запах дыма...

Идти пришлось прилично... Лапками широко не пошагаешь, да и торопиться было опасно.

Огонь костра цветком алел меж деревьев, маня теплом. Но я-то стрелянная лиса... точнее едва не подстреленная.

Не меньше получаса лежала, вслушиваясь в темноту. Костер уже начал прогорать, но на полянке около реки было подозрительно тихо. До меня доносилось лишь уютное потрескивание сучьев в огне.

Спят? Умерли? Неопределенность нервировала, заставляя прижимать уши и хвост.

Однако голод с любопытством перевесили, и я поползла к огню.

Человек был один. Мужчина. Темной горой он неподвижно лежал на циновке, укрытый старым плащом. Тяжелое дыхание, а еще запах крови и гнили подсказали, что человек ранен. И рана его скверная...

Тенью я проскользнула по пригорку, обнюхивая вещи. Мужчина явно не первый день шел пешком. Все пыльное, потертое.

Сунула нос в мешок. Чихнула от запаха чернил и лекарств. Наткнулась на тканевый мешочек. Обрадованно потащила наружу. Прогрызла дыру. Жеванула сухой рис. Не впечатлилась.

Покосилась на спящего, тот даже не пошевелился.

Продолжим... Где-то тут должен быть котелок...

Котелок обнаружился у реки. И, слава Богу, в нем была рыба! Свежепойманная! Пара плотвин, пятерка уклеек и один подлещик.

Я забыла обо всем, с упоением вгрызаясь в рыбины, не замечая ни чешуи, ни запаха тины. Опомнилась лишь когда в пасти хрустнула последняя косточка. Оглядела следы пиршества. Слизнула чешую с шерсти.

Все-таки я дурная лиса. Кто жрет ворованное там же, где украла? Надо было хватать котелок и тащить в кусты.

Огорченно тявкнула и поспешно заткнула пасть хвостом. Сытость вернула способность соображать, и в голове появились мысли не только о еде. Например, о том, что одежда у мужчины не выглядит современной, а его пожиткам место в музее... В совпадение: два ролевика в одном лесу мне не верилось. Что в итоге?

Села на попу. Лапой подкинула ветку в костер, потом добавила еще пару. Огонь благодарно принялся пожирать подношение. Я смотрела на пляшущие языки пламени, думая о том, что ведьма закинула меня столь далеко, что выбраться отсюда я не смогу при всем своем желании... Боюсь, медицина мне тоже не помощник. Пробриться сквозь время? Такое ей не под силу. Мне срочно требовалось чудо. Значительное такое...

Мучительный стон уткнулся в спину, плеснув холодом на лопатки.

В следующий момент я уже стояла в темноте, под кустом, готовая дать деру.

Но мужчина не шевелился, и я чуть успокоилась, выдыхая.

Однако, пора и честь знать. Как говорится, спасибо за гостеприимство, но раз у вас ничего больше нет...

Следующий стон поймал меня с поднятой вверх передней лапой.

«Пить», - прошелестело еле слышно.

Шевельнулась совесть: еду ukrала, съела, а теперь сбегашь?

Воровать для лис нормально, - фыркнула в ответ.

В ответ совесть окатила сознание едкой волной, заставляя испытать жгучий стыд. Напомнила о многом. Например, о том, что мне самой требуется помощь. Причем и душе, и телу, лежащему в больнице. А если кто-то вот так же равнодушно пройдет мимо? Не протянет руку? Если родные решат, что держать меня в больнице слишком дорого?

Чем я могу ему помочь?! – раздраженно проворчала, возвращаясь к костру. У меня же лапки!

«Пить», - простонал мужчина.

Спустилась к реке. Преодолевая отвращение, вошла в воду, держа в пасти котелок. Пополоскала, как могла. Набрала воды. Вернулась. Постояла рядом с мужчиной – какой же он здоровый с моих примерно сорока сантиметров в холке.

Оперлась передними лапами на его грудь, поставила котелок перед лицом. Чуть наклонила, давая выплеснуться воде на спекшиеся губы.

Мужчина жадно сглотнул и пришел в себя. Зашарил рукой. Конечно, первым делом коснулся меня.

Фу-у-у. Я мотнулась к костру. Нервно дернула шкурой. Ощущение чужих пальцев на шерсти воспринималось чем-то отвратительным. Хуже могли быть только блохи...

Глава 3, в которой лиса не разговаривает, но заставляет угадывать ее мысли

Мужчина нашел стоящий на груди котелок, торопливо припал, глотая. Я смотрела с ненавистью, прижав уши. Не выдержала, ругнулась. Услышав мое тявканье, мужчина замер, повернул голову, недоверчиво нахмурился, потом вдруг расплылся в улыбке:

- Лисичка, это ты мне воду принесла?

Отдышался, морщась от боли. Видно было, как тяжело ему даются слова.

- Ты дух? Боюсь, соблазнить меня не получится, - криво усмехнулся он. - Не в том я состоянии. Да и взять из сил нечего... Почитай мертвец.

Я гневно фыркнула. Соблазнить? Да за кого он меня принимает? Я честная лиса, а не эти... Которые девятихвостые и по постелям прыгают без всякой морали. Хотя может, это сказки запавших на красавиц мужчин, которых никто и не думал соблазнять...

Но конкретно этот может быть спокоен. Не привлекает он меня ни в одном из смыслов. Пусть не старик, но уже не молод. В запавших чертах изможденного лица читалось благородство. Чернила опять же в мешке со свитками. Пере-

до мной явно был писарь, мелкий чиновник или странствующий ученый. Но сейчас он выглядел не лучшим образом: одежда испачкана, волосы растрепаны, еще и запах...

Нервно переступила лапами, отворачивая нос.

Раненый снова затих. Потерял сознание? И что с ним делать?

Подбросила веток в костер, и тот расцвел теплом, заставляя меня одновременно нервничать и блаженствовать.

Заглянула в мешок. Достала из него фарфоровую баночку с лекарством. Донесла в пасти и вложила мужчине в руку. Требовательно тявкнула.

Тот очнулся, поднес лекарство к лицу, выдохнул:

- Спасибо, сестричка.

Я смущенно отошла. Уже в братцы набивается... Быстро же он.

Морщась, мужчина неловко отодвинул повязку на боку. Не глядя, сыпанул зеленого порошка, от которого у меня сразу зачесалось в носу. Задышал чаще, пережидая приступ боли.

Даже думать не хочу, как он в таком состоянии смог ходить, а еще и рыбу ловить... Силен, что и говорить. На одном упрямстве выжить пытается.

Жаль, больше ничем не могу ему помочь. Нужно уходить. Оставаться дальше опасно. Если бы могла говорить, а не тявкать, словно на меня икота напала, спросила бы, где мы и что сейчас за время, но...

Раздраженно проскулила на собственное бессилие, шагнула в темноту.

- Чувствую, душа в тебе человеческая, - еле слышно донеслось от циновки.

Я замерла, ошалело поводя ушами. Вернулась. Встала на задние лапы, передними облокотившись о грудь мужчины. Требовательно вгляделась в бледное лицо.

- Не ошибся я, - слабая улыбка коснулась обескровленных губ. Рука поднялась, осторожно коснулась моих ушей. Я дернула головой.

- Недотрога.

Он еще и в состоянии шутить?!

Возмущенно зарычала в лицо.

- Ну прости, - ни капли не испугался он.

Прикрыл глаза. На лбу выступили капли пота. Дыхание участилось.

- Помочь тебе хочу, - еле слышно проговорил раненый, - а ты мне.

Даже так? Заинтересовано повела ушами, села на попу. Уходить расхотелось. Пусть это глупо – доверять первому встречному, но я за эти дни столько натерпелась... Лучше рискнуть, чем до конца своей короткой жизни – лисы в природе года четыре живут от силы - питаться личинками, да лягушками.

- Жемчужина поможет тебе вернуть тело.

Мужчина говорил медленно, делая долгие паузы. Я при-

двинулась ближе, боясь потерять хоть слово. И не дернулась, только напряглась, когда его горячая ладонь легла мне на шею. Пальцы зарылись в мех, однако я терпела, не отстраняясь.

— Это дар водяного владыки.

Дракона что ли? Он сумасшедший? Какие к черту драконы?!

- Она даст тебе силы вернуть тело. Но избавиться от лисы будет не просто.

Я аж дышать забыла от открывающихся перспектив. Вернуть тело? Перестать жрать гадость и веселить мышей неуклюжей охотой?

Заскрипела старой телегой, сгорая от нетерпения. Хвост от возбуждения метался по бокам.

Мужчина, не торопясь, продолжил:

- Звериный дух силен ночами. Чтобы разорвать связь, ты должна проводить ночи в Даосском храме, принося дары Чжун Кую. Запомни: каждый первый, пятый, девятнадцатый, двадцать третий и двадцать девятый день луны. Про полнолуние не забудь.

Поймала себя на том, что сижу и киваю мордой, запоминая.

Звучало несложно: найти храм, заночевать, поклониться Чжун Кую. С трудом, но вспомнила, что был такой мифический персонаж, известный как «убийца призраков». Ему молятся, когда требуется защита от злых сил. Мой случай.

Смушало одно: с чего такая щедрость незнакомой лисе? За котелок воды волшебными артефактами не делятся.

Не то, чтобы я взяла – и поверила в волшебную жемчужину. Но я и в проклятия не верила, как и в то, что через зеркало можно вынуть душу из человека и впихнуть в лису.

Раненый замолчал, собираясь с силами. Потом поднял вверх правую руку и в центре ладони зажглось бело-синее солнышко, вычерчивая светом поляну, потрошенный мешок, костер и меня.

Я испуганно попятилась, прижимая уши и тихо рыча.

- Не бойся, - выдохнул мужчина, сияясь улыбнуться.

- Это не больно, - добавил он ободряюще.

Свет ударил, ослепляя, по глазам, а потом внутри стало обжигающе холодно. Волоски на шкуре встали дыбом. Стылость сковала тело. Я завывала, забилась. По телу пробежала судорога. И свет погас, а с ним пришла полная темнота...

Пришла в себя, лежа на чем-то теплом и ритмично вздымающимся. Запах был знаком, и я расслабилась. Рыкнула на пальцы, мнущие ухо. Предупрежающе клацнула зубами, и рука отступила.

- Очнулась? Молодец.

Раненый набрался сил, даже голос стал бодрее, а еще мужчина зачем-то затащил меня на себя. Я ему кошка что ли валяться на груди?

Лежать на нем было непривычно и странно, но тепло. Так что я не стала уходить, только позу поменяла, устраиваясь

удобнее.

- Жемчужине в тебе требуется время, чтобы подпитать духовную сущность. Она у тебя очень слаба.

Нормально все у меня с духовной сущностью, просто в наше время другие требования. И на уровень энергии при приеме на работу не смотрят.

- Главное, запомни: жемчужина дар водяного дракона. Она не предназначена для людей и через какое-то время начнет тебя убивать.

Нормальное такое заявление. Зачем тогда было внутрь меня ее помещать?!

Я прижала уши, подняла голову и зарычала раненому в лицо. Вот как откушу нос за подобное, будет знать!

- Не злись, лекарство должно быть горьким, - примири-тельно улыбнулся он.

- Как только разорвешь связь с лисой, найди наследного принца Хань Лемина. Он извлечет жемчужину и наградит тебя за то, что ты ее принесла.

Ладонь легла на голову, легко почесала меж ушей.

Н-да... Звучало просто, но я всем лисьим чутьем ощущала ловушку, в которую уже попала, поглотив нечто светящееся. От него, между прочим, до сих пор холодило в груди.

Понятно, что сама я жемчужину не извлеку. Сработает та или нет – кто его знает. Я даже спросить подробности не могу. Мне рассказывают лишь то, что пожелают.

Проклятое любопытство! Завело-таки в неприятности – и

вот уже работаю курьером на неизвестного мне мужика.

Пальцы нежно почесывали ухо.

Неймется ему. У меня тут трагедия, а он с ласками лезет...

Хм, а приятно-то как... Глазки аж закатываться стали. Пасть приоткрылась. Хвост обмяк. Я растеклась шкуркой на его груди.

С другой стороны, что я теряю? Личинок, лягушек, мышей? Ночевки в лесу? Охотников, как постоянный кошмар?

Принц, значит, принц. Найдем. Из-под земли достанем. Вместе с конем.

Если разорву связь с лисой, то проклятие больше не будет иметь надо мной власти. Тогда останется отдать жемчужину принцу и обрести шанс вернуться домой. Я чужая этому миру, пусть возвращает меня обратно...

Сладко потянулась, зевнула... Крякнула, восторгаясь собой. Пять килограммов рыжего обаяния, ума и хитрости.

Справлюсь.

Не знаю, что я совершила такого в прошлом, что меня столь сильно наказали, но сейчас, похоже, судьба встает на мою сторону.

И я задремала под тяжелое дыхание раненого.

А перед рассветом меня разбудило приближение чужаков...

Напряглась, соскочила на траву. Прижала уши, старательно вынюхивая воздух: люди, на лошадях. Опасность. Опас-

ность. Опасность.

Попятилась. Залегла под куст, не решаясь покинуть поляну.

Разбуженный мною раненый приподнялся, взгляделся в сушки.

- Хорошо, что мы с тобой успели, - сказал он, выдыхая облачко пара.

У меня от его слов кровь в жилах застыла. Я вжалась в траву, готовая в любой момент сорваться и сбежать, но тело еще помнило ласку, тепло чужих рук, заботливые слова. Могла ли я бросить раненого в неизвестности? Сложный вопрос. А какая вообще польза от лисы?

Отряд между тем остановился недалеко от поляны, видимо нас выдал запах еще тлеющих углей. Послышался невнятный разговор и громкий голос, отдающий команду: «Проверить». Я превратилась в один слух, пытаюсь предугадать, что нас ждет.

И мир внезапно изменился. Перестал пахнуть лесом, травой, зверьем. Воздух словно в тьму обмакнули, измазали во что-то чужеродное, противоестественное.

Отвращение заставило содрогнуться, вздыбить шерсть на загривке.

Рвущийся изнутри протест я задавила, сунув кончик хвоста в пасть. Бежать сейчас было слишком опасно, так что я сильнее вжалась в землю, моля об одном, чтобы тьма прошла мимо, не заметив.

Тень клена, стоявшего у самой воды, стала темнее остальных, и из нее на поляну шагнула фигура в длинном плаще. В руке сверкнул обнаженный меч - я заворуженно уставилась на блеск отполированного лезвия. Осторожно втянула носом. Незнакомец в плаще не пах человеком, что было пугающе странно.

Он скользяще шагнул к раненому, приблизился и замер, вглядываясь в тонувшее в тенях лицо.

От неотвратимости происходящего и своей беспомощности захотелось крепко зажмуриться. В теле поселилась противная слабость. Пожелай я сейчас удрать – не смогла бы.

Убийца же навис над раненым - уверенный в том, что никто ему не помешает.

- Нашел-таки.

Мне показалось - раненый улыбнулся. Странный человек. Я обмирала от ужаса, а он безмятежен, словно падающий снег.

- Не утомляет работать на хозяина?

Человек в плаще не ответил, и мне показалось, слишком поспешно поднял меч, словно боялся, что собственный ответ его разочарует.

А я поползла. Вжимаясь брюхом в покрытую изморозью траву, ощущая каждую неровность, хвостом цепляя сухие травинки.

- Скажи, что передать твоим сородичам?

- Что мы все прокляты, - хрипло, словно у него было сдав-

лено горло, ответил убийца, опуская меч.

И все-таки он переборщил с картинность. Помедлил в верхней точке, прежде чем отправить меч в кровавое путешествие, и за эти секунды я успела до него добраться.

Подпрыгнула рыжей молнией, вцепляясь в ту часть, что аккурат над сапогом начиналась.

Вкус чужой крови во рту накрыл мерзостью, и меня чуть не стошнило.

Раздался разъяренный крик. Мужчина попытался меня стряхнуть, и плащ хлопнул с размаху по спине.

Я повисла тряпочкой, расслабив тело, отдав все силы челюстям.

Только пришедший из тени был преданным убийце. Я с ужасом слышала, как с чавкающим звуком меч вошел в тело раненого, как задохнулся тот от боли и как мертвенно за-
тих...

А потом жесткие пальцы нащупали мой загривок, рванули вверх и заметнули прочь. Я с треском вломилась в кусты, прокатилась по веткам и впечаталась в ствол дерева. Удар вышиб из легких воздух. В голове помутилось и последнее, что я слышала, были торопливые шаги и рассерженное бормотание:

- Проклятый колдун.

Кажется, убийца решил, что раненый призвал лису-демона на защиту. Потому и не стал добивать. Приятное милосердие. А затем мир в глазах померк.

Пришла я в себя, когда день уже вовсю теснил рассвет. Лучше бы не приходила. Нос уловил массу запахов, один «приятнее» другого. Ветер пах кровью, смертью, потом, лошадьми, оружием и людьми... Причем не теми, что приходили на рассвете.

Основной отряд с лошадьми находился правее поляны, но и на самом пригорке тоже кто-то ходил.

Зря я страдала о том, что вначале меня занесло в безлюд-ные места. Общества искала... Дура! Теперь вот нашла и не знаю, как от этого общества избавиться.

Пошевелила лапами. Отклик есть. Хвост дернулся, мол, не пострадал я, хозяйка. А вот спина болела зверски... Хотя как иначе она может болеть у зверя? Повезло, что позвоноч-ник не перебит. Можно отползти от поляны.

А потом до меня донеслись встревоженные голоса....

- Учитель Лю мертв уже несколько часов, мы опоздали.
- Не корите себя, вы сделали все, что могли, мой господин.
- Недостаточно, Ханьси. К тому же я не чувствую жемчу-жину. Значит, ее забрали. Все наши труды в бездну.
- Смотрите, господин, здесь лисьи волоски, а еще следы.

Причем свежие и их много.

Вот же внимательные какие... Так ускоряем отползание. Я сплюнула остатки чужой крови. Испугалась, что их заме-тят. Ладно, капля слюны не так критично, а вот если я сей-час веткой хрустну...

- Ты прав, подозрительно это... Жемчужина вполне мог-

ла привлечь лисий народ. Нужно проверить, что здесь забыл демон. Сможешь проследить?

Даже не думай. Жемчужина мне самой нужна, чтобы стать человеком.

Развернулась и рванула, пригибаясь, чтобы услышать, радостно брошенное в спину:

- Вот она! Лови!

А-а-а-а! Не орать! Даже мысленно. Крик сбивает дыхание, а еще ритм.

Направо, налево. Поднырнуть под куст. Пробежать по бревну. Прыгнуть на камни, соскочить с них. Я не бегу – мечусь змейкой от одного дерева к другому, а хвост мечется вместе со мной, не давай упасть при резком повороте. Со стороны, наверное, выглядит хаосом. Особенно, мои прыжки.

Не понимаю, почему нельзя бежать прямо?! Но моей звериной половине виднее.

Дыхание преследователя слышится так, словно он совсем рядом. Хотя это всего лишь эффект острого слуха. И все равно страшно так, что поджилки трясутся.

Если бы не травма, я бы с легкостью удрала от двуногого, но спина начала наливаться тяжелой болью и бежать становилось все труднее. Еще и сознание мутилось, а тело стало гореть, будто его перцем обсыпали. Из горла вырвался задущенный хрип. Кажется, сейчас я упаду замертво. Прямо в руки преследовавшего меня человека.

На упрямстве я пробежала еще сотню метров.

Инстинкт довел до высокого берега, где корни деревьев выступали, точно ноги великанов. Туда, в одно из углублений между корней, я и нырнула. Так себе укрытие, но другого нет. А мне что-то хреново совсем. Лапы аж судорогой сводит.

Выгнулась дугой, волна жара прошла по телу, ломая и выворачивая кости.

И мир изменился. Уменьшился в высоту. Оглох на звуки. Расцвел полноценными красками. Обдал холодом обнаженную кожу.

Я в шоке поднесла к глазам руки. Обычные такие... с пятью пальцами и без шерсти.

Твою же...

Как не вовремя-то сработала жемчужина! И что делать? Человеку, тем более голому, спрятаться в лесу в разы сложнее. А сдаваться на милость победителя... Как-то не хочется проверять, что сделает с обнаженной девицей отряд мужиков... Еще и в столь недобром мире, где по теням шастают убийцы.

- Выходи, демон, я знаю, что ты здесь!

Чтоб тебя! Быстро бегаешь.

Я лежала, скрючившись в три погибели меж корней и стискивала зубы, чтобы те не стучали от холода и страха.

- Выходи, иначе продырявлю шкуру! Некуда тебе деваться.

Настырный какой! Так-то он прав – деваться особо некуда: берег крутой, обрывистый, по нему я не пройду. Наверху меня караулят, внизу темнеет, бурля водоворотами, река. От нее тянуло неприветливым холодом, и купание там точно будет смертельным.

Свист – в стоящее чуть правее на выступающем мысу дерево весомым таким аргументом воткнулась стрела.

Я выдохнула, выругалась и, обдирая кожу о корни, поползла наверх.

Даже думать не хочу о том, как сейчас выгляжу.

Выпрямилась, убрала с лица растрепанные волосы, глянула угрюмо на стрелка.

Явно произвела впечатление, потому как мужчина в первый момент даже лук опустил.

Нас разделял десяток шагов – с такого расстояния не промахнуться. А в следующий момент его лицо исказила брезгливая гримаса. И меня снова взяли на прицел.

- Тьфу, нечисть! Стой там и не вздумай ко мне приближаться! Моя душа надежно защищена!

Вот дурак! Нужна мне его душа? Мне свою бы сохранить.

Я тихонько сдвинулась туда, где на мысу высокого берега нависал над водой дуб. Стрела двинулась вместе со мной, продолжая выцеливать точно в центр груди.

Неправильные тут мужчины какие-то... Я его совсем не привлекаю?

- Стой на месте, хугуй! Иначе я разожгу костер и зажарю

тебя на нем.

Если я демон, то бессмертна и ему меня не убить. Тогда зачем костер? Мяса не хватает, извращенец?

- Верни жемчужину, - угрюмо потребовал стрелок.

Сейчас, только шкурку почищу!

Злость плеснула адреналином в кровь.

Я выпрямилась – собственная нагота перестала смущать. Зло сузила глаза. Мужчина напрягся, палец потянул тетиву.

- Не дури! Верни жемчужину и убирайся, - нормальным голосом попросил он, глядя, как я делаю маленький шаг к обрыву.

Поздно. Время переговоров прошло, да и не бывает нормальных переговоров под прицелом.

Мышь, личинки, трава, вкус барбариса, собственный запах: острый в момент опасности. Удары лап по земле. Бег, полный свободы. Холод морозной ночи. И уютное тепло хвоста под мордой.

Мой шаг с обрыва совпал со свистом стрелы. Мы разминулись на долю секунды.

Летя вниз, я панически продолжала вспоминать, каково это было быть лисой все эти дни. Вода резко приближалась, а потом словно отдаляться начала. Мир свернулся, а когда развернулся, наполнившись запахами и звука, я вошла в воду. Холод обжег, стиснул горло, закрутил течением. Я судорожно заработала лапами, выплывая.

Получилось! Я снова лиса. Осталось немного – выплыть

и выжить.

И словно намекая, что еще не все неприятности закончились, в воду рядом с головой вошла стрела.

Глава 4, в которой лиса решает: быть или не быть лисой, вот в чем вопрос

За пару часов до...

- И где жемчужина? – неприязненным тоном осведомился мужчина, одетый в темное ханьфу, на поясе которого висела должностная табличка.

Убийца в плаще равнодушно пожал плечами.

- При нем ее не было.

- Тогда зачем было его убивать? – потерял самообладание чиновник, взрываясь негодованием. Ткнул пальцем в лежащее на поляне тело. – Нужно было сначала спросить, куда он ее дел.

- Приказ был убить – и жемчужина сама покинет тело, - последовал хладнокровный ответ.

- С тобой разговаривать, как играть на цине перед короной, - отмахнулся мужчина. Опасливо покосился на мертвого, достал из рукава засушенный пучок полыни, обмахнулся и прошептал отгоняющую злых духов молитву.

- Что доложу во дворец? – с возмущением поинтересовался он, когда закончил.

- Учти, - его палец обратился в сторону убийцы, - отвечать будем оба.

Выпад остался без ответа, и чиновник принялся нервно оглядывать поляну, не решаясь на нее вступить.

- Почему хромаешь? – спросил он у убийцы, не найдя ничего интересного: костер догорел, котелок пустой, мешок выпотрошен. Спрятать жемчужину здесь было негде. Артефакт светится сильнее десятка фонарей, если был не спрятан в живое тело.

- Лиса напала и укусила, - недовольно дернул тот щекой.

- Лиса? – удивленно вскинул брови чиновник. Побледнел, попятился от поляны, бормоча: - Проклятое место. Теперь ты тоже проклят. Ночью я тебя свяжу. Если начнешь безумствовать, хоть не поубиваешь нас.

- Можете не беспокоиться, господин Ли, лису я тоже... убил, - с угрожающей паузой произнес убийца, глядя на чиновника.

Мужчина занервничал под тяжелым взглядом, глаза его забегали, и тут из кустов вынырнул воин. Дождался разрешающего кивка, доложил:

- Господин Ли, с севера приближается отряд. Думаю, это люди принца. Нужно уходить.

- Что же... уходим, - с облегчением согласился чиновник.

- Ты остаешься, - приказал он убийце, - проследишь за ними. Вдруг им удастся напасть на след жемчужины? Не вздумай без нее возвращаться, понял?!

Убийца не ответил, шагнул в сторону, растворившись в тенях рассветного леса.

- Демон, - выплюнул ему вслед ругательство чиновник и поспешил к лошадям.

- Так говоришь, это был лисий дух? – с неверием поинтересовался Ду Яньхэн у лучника.

- Самый настоящий, - подтвердил тот. – Красотой из тех, что могут опрокинуть царство. Кожа гладкая, как нефрит. Телом бела, нежна и ни единого волоска. Срамота, - он попытался скорчить гримасу неодобрения, но взгляд остался восхищенным, а уши предательски алели, выдавая смущение.

- Уж так меня соблазняла, телом изгибалась, улыбкой манила, глазки строила, но я был не пробиваем, как золотой суп.

- Потому и не смог в нее попасть? – с насмешкой поинтересовался товарищ из отряда. – Телом впечатлился, аж руки затряслись. Никогда голую женщину не видел? И что прям без единого волоска?

- Клянусь предками, так и было, - насупился Хань Тэфэн. – А ранить побоялся, потому как в реку она прыгнула, на лету снова став лисицей – хитра. А если бы жемчужину в воду выронила? Ищи ее потом по дну...

- Плохо, что упустили... - поморщился Яньхэн. – Что теперь его высочеству докладывать? Мы даже не уверены, у лисы жемчужина или нет.

И он раздраженно прошелся по поляне. Глянул на то, как пакут тело убитого, заворачивая в одеяло, как укладывают

на спешно срубленные из жердей волокуши и привязывают к лошади. А ведь он обещал его высочеству вернуться с учителем домой... Кто же знал, что привезет мертвеца?

- Да у нее она, где еще быть! – горячо воскликнул Тэфэн, желая загладить вину за упущенную лису. – Следов много. Вон рыбу у реки жрала, ворюга. Потом на груди учителя лежала. Явно же не просто так залезла, а чтоб силу жемчужины вытянуть. А он раненный был и не мог сопротивляться. Сами видели – две раны у него на теле. Одна старая, леченная, вторая – свежая.

- Допустим, – качнул головой Яньхэн, уже представляя, как расстроится его высочество узнав, что они не только не смогли обнаружить жемчужину, но и защитить его любимого учителя.

А ведь они были осторожны. Столько сил положили, чтобы никто не узнал, куда и зачем год назад отправился Лю Шихэн, но правда каким-то образом достигла не тех ушей. И на обратном пути из монастыря, где хранилась жемчужина, учитель попал в засаду. Одну сумел избежать, хоть и был ранен. Прислал сообщение о помощи. Они отправились на встречу, однако враг успел раньше. Не хотелось думать о предательстве, но...

- Осторожнее, – остановил он солдат, небрежно поднявших тело учителя, и те с извинениями, принялись крепить погибшего на волокуши.

Яньхэн с горечью подумал, что все они на волоске от ги-

бели... Принца пока охраняет статус, но если у императора родится еще один наследник и выживет, старшего сына можно будет заменить, и тогда они все не проживут и пары дней. Его величество скор на выдумывание очередного заговора, которого уже по счету. Народ так привык к этому, что никто и не думает возмущаться глупостью обвинений. Кровь столь часто течет по ступеням дворца, что впилась в плиты... И ее уже принимают за краску.

- Учитель Лю, почему ты был так не осторожен?

Он преклонил колени перед телом, поправил ткань, закрывающую лицо.

- Как мы справимся без тебя? Без твоего руководства? Без твоей уверенности?

Голос дрогнул, и Яньхэну пришлось приложить усилия, чтобы сдержать рвущиеся наружу рыдания...

- Но твоя смерть не будет напрасной.

Он стиснул ладони. Глянул с ненавистью в лес.

- Найди мне ее, - поднялся. – Возьми пару солдат в помощь. Закажи портрет, развесь по близлежащий рынкам. Лисы не уходят далеко от норы. Надеюсь, ты запомнил не только тело, но и лицо?

- Не сомневайтесь, господин, - вытянулся Тефэн. – Справлюсь.

- Я сопровожу учителя до дворца и отдам ему последние почести, а позже присоединюсь к тебе. По пути заверни к Фа Цину. Попроси изготовить защитных амулетов против ли-

сьего духа, но сам к ней не суйся. Не про тебя хищник. Я лично с ней разберусь.

- Слушаюсь, господин, - кивнул Теофэн. – Попадись она мне, коварная соблазнительница... - погрозил он лесу кулаком... и тяжело вздохнул.

Я не помнила, как выплыла. Человеческая часть полностью потеряла контроль над ситуацией, пребывая в панике от ледяной воды, обстрела стрелами и возможной погони. За жизнь сейчас боролась именно лиса.

Пришла в себя, лежа мокрой тряпочкой на низком, болотистом берегу. Холодно было так, что он уже и не замечался. Неимоверно хотелось спать. Я мучительно закашлялась, выплевывая воду из легких. Обессиленно рухнула обратно.

«Не спать!» - оглушительно взревел инстинкт самосохранения.

«Встала, отряхнулась, хвост отжала и пошла. Нет, побежала. Пока этот прыткий товарищ нас не догнал».

Легко сказать. Мне казалось – в реке я оставила все силы до последней капли. Подняла морду, огляделась. Местность была незнакомой. Снесло меня порядком, и от высокого берега, с которого я прыгнула, закрывал поворот русла. Оно и к лучшему. Сложнее проследить будет.

Однако, валяться и правда не стоит. Сейчас не так и холодно, но к ночи начнет подмораживать... Шкура вымокла напрочь вместе с подшерстком. Не высушу, ночью все по-

кроется ледяной коркой. А обращаться в человека вообще не вариант. Голая, босая, с мокрой головой? Прямо мечта для воспаления легких.

Со стоном поднялась и, подняв вверх облако брызг, отряхнулась. Качественно так. Потом выругалась, рыча и повизгивая. От души прошлась по родословной гонителей бедной лисички.

Полегчало. Поднявшаяся в душе злость – достали и охотой, и убийствами, и обвинениями в нечистой силе – прибавила сил, а понимание, что раненый не обманул: работает жемчужина – улучшило настроение. Перспектива появилась. Хоть какая-то.

Жаль, во время оборота не успела проверить, свое ли тело получила обратно. Не до того было. Одно можно было сказать с точностью: оно было женским. А ведь могли быть варианты... Кто сказал, что жемчужина не имеет права на ошибку?

Но если я притянула тело сюда, что происходит в моем мире? А может, это копия моего? Или оригинал банально исчез из больницы?

Сложно все! Главное, научиться влиять на смену облика. Не хочется, чтоб меня на вилы подняли из-за случайного оборота... Или чем тут от темных духов обороняются?

Закончила отряхиваться и потрусила вглубь леса. Скоро под лапами зачавкало, и я взяла левее, обходя болото.

Сначала бежать было тяжело, потом разошлась, согрелась.

Зато от холодной воды стала меньше болеть ушибленная спина.

Местность постепенно повышалась, впереди все отчетливее различались склоны низких гор. Стали чаще попадаться пихты, сосны, и я с удовольствием вдыхала их горьковато-смолистый аромат. Выглянуло солнце, подсветив золото грабов, с которых еще не облетела листва.

Чем дальше я удалялась от поляны, тем спокойнее становилась. Перестал нервно метаться хвост, а уши прижиматься к голове. Нос не улавливал запахи человека, и это радовало – погони я все еще опасалась.

Сейчас, когда появился выбор: быть или не быть лисой, я не могла принять однозначного решения. С одной стороны, лиса из меня... Мягко скажем, не слишком профессиональная. И зиму, даже такую мягкую, я скорее всего не переживу. С другой...

Что-то мне подсказывало, вряд ли я здесь матриархат встречу. Если это прошлое, времена династии, скажем, Сун, то пробиться молодой девушке без поддержки семьи, будет сложно, если не невозможно.

Конечно, варианты есть. Бордель, например. Или я для него уже старовата? Зато владею каллиграфией, могу спеть что-нибудь, станцевать... Только вот народные китайские песни у меня по нулям, как и старинные танцы, а К-поп или джаз-фанк тут вряд ли оценят... Нет, оценят. Вызовут стражу и упекут в монастырь, как одержимую духом.

Что остается? Идти служанкой? Подозреваю, без рекомендации и с улицы меня возьмут на самую грязную, причем временную работу в захудалый постоялый двор. Статус мало чем отличающийся от рабыни. Еще и присматривать будут плотно, не выпуская со двора... А как в таких условиях проводить ночи в храме?

Ну и самое главное – документов у меня нет. По местным меркам я бродяга, беглая или преступница.

Когда хотела быть человеком, не задумывалась о сложностях легализации. Теперь вот накрыло...

Нервно потрянула ушами. Ладно будем решать проблемы по мере их появления. По крайней мере теперь у меня есть выбор: лиса или человек. Подстроимся.

Бежала я примерно полдня, практически не сбавляя темпа – легкая рысца. Остановилась передохнуть, когда солнце начало клониться к западу.

Но тут ветер донес нечто новенькое...

Потянула носом. Настороженно замерла. Запахи говорили, что впереди люди.

Попятилась. Остановилась, мысленно дернув себя за шкуру.

Какое-то время стояла, прядя ушами, однако различить какие-то звуки не смогла.

Решилась – медленно, пригибаясь к земле, двинулась вперед. Нужно пробовать. Не каждый человек охотник или убийца. Выбор, конечно, у меня появился, но оба варианта

далеки от идеальных. Главное – страшно-то как. Аж лапы подгибаются и хвост трясется.

Маленькими шажочками вскарабкалась на насыпь. Хм, что-то знакомое в рельефе. Да это дорога! Точно! Вот и колея от повозки – не так давно прошла. А вот и следы копыт.

Ну что же... Цивилизация, здравствуй. Иду к тебе. Может, позже и пожалею, но я все же человек. А то привыкну быть лисой и не смогу вернуться в прежний облик.

Бежать по дороге было легко, хоть и глупо. Сместилась к правому краю, часто останавливаясь, чтобы по запаху определить, что меня ждет впереди.

И когда ветер донес запах крови, крепко зажмурилась и заскулила, причитая.

Ну вот... Начинается... От ожидания чего-то страшного аж затошнило...

Дальше кралась, едва сдерживаясь, чтобы не выдать себя чем-то эмоционально-ругательным.

Примерно через двести метров я смогла уловить сопение и фыркание лошади, а вот больше, как ни вслушивалась, ничего поймать не удалось, что навевало на неприятные мысли...

Ладно. Не увидим – не узнаем.

Осторожно выкралась из-под деревьев.

Твою же...

Их убили пару часов назад. Густой, сладковатый запах крови еще был чист, без примеси разложения. Он заставлял

вздыбливать шерсть, озираться и нервно переступать с лапы на лапу.

Шестеро мужчин и две женщины лежали в разных позах вокруг повозки. Странное дело, но багаж убийцы не тронули, оставив его аккуратно привязанным на задке. Да и лошадь не увели, словно им требовалось нечто иное...

Так. Осмотримся. Двое с мечами – охрана. Еще четверо в грязно-серых шань – явно слуги. А вот с женщинами было интереснее.

Я обошла их по кругу, стараясь особо не вглядываться в искаженные гримасами смерти лица. Одна одета проще, но аккуратно. В ушах простые сережки. В волосах скромная шпилька. Одежда не тронута. Женщина была убита стрелой в грудь, словно воин, встретив опасность лицом к лицу.

А вот вторая явно госпожа. Изящное бело-розовое хань-фу. Вышитые цветками туфельки, один из которых валялся на дороге, а его хозяйка, будто запнувшись о порог повозки, лежала на земле лицом вниз. В ее спине торчала стрела с черным оперением.

Я снова прислушалась, но если здесь и был кто, они давно ушли. В окрестностях лишь ветер гулял по кронам деревьев, да вдалеке крались, привлеченные запахом крови, волки.

Лошадь их тоже чуяла. Меня она готова была терпеть, напряженно косясь коричневым глазом, а вот волков справедливо опасалась.

Я тихо села рядом. Обернула лапы хвостом. Задумалась.

Всех было жалко. Но лошадь хотя бы еще жива...

И тут барышня еле слышно вздохнула.

Я отпрыгнула от неожиданности. Тявкнула, не в силах сдержать эмоции. Это было нечто среднее между радостным «Ура! Она жива!» и обеспокоенным «Что мне с этим делать?».

Спокойно. Есть простой вариант – погрузить в повозку и довести до людей. В кино сколько раз видела. Готовим к транспортировке: останавливаем кровь, ломаем оперение, фиксируем стрелу и затаскиваем в повозку. Довезу или нет – другой вопрос, но попытаться стоит.

Везет мне на раненых здесь. И непонятно, то ли мир такой сурово-убийственный, то ли я столь невезуча. Искренне надеюсь, что не окажусь, например, в центре гражданской войны или битвы пяти царств. Когда все против всех, шансы на выживание одинокой женщины стремятся к нулю, будь она трижды умница, красавица и спортсменка.

Приблизилась, обнюхала у барышни лицо. Хм, молоденькая совсем. Красивая. На вид лет семнадцать. Невеста.

Интересно, кто на них напал. Даже оружие не тронули – вон меч рядом с охранником валяется и нож на поясе висит. Однозначно не разбойники тут бойню устроили.

Запахло интригой... И я задумалась о том, куда влезаю... А если барышня преступница? Или перешла кому дорогу? Может, замуж не за того собралась? Или бежала от кого? А может...

Все, хватит считать чужих тараканов. Своих хватает. Да и смысл переживать о будущем, если не ясно, выживет девушка или нет.

Наклонив голову, я оценила будущую работу. Судя по длине торчащей из левой лопатки стрелы, наконечник застрял где-то внутри. Дышала девчушка слабо, но сипения слышно не было и пузыри изо рта не шли. Есть шанс, что легкое не задето. Древко у стрелы в палец толщиной. Можно попробовать сломать двумя руками или сначала чуть подпилить ножом, а потом сломать.

Но начнем с другого...

Выдохнула, зажмурилась, представляя холод на обнаженной коже, разноцветность мира, землю под пальцами. До мельчайших деталей - как расту, раздвигая телом пространство. Как поднимаюсь с колен и делаю первый шаг.

Накатил знакомый жар, тело трянуло, сворачиваясь в дугу боли.

Оборот – дико сложно, особенно когда делаешь его во второй раз, но донесшийся стон подхлестнул, заставляя торопиться.

Рот наполнился вкусом крови. Кожа затрещала. Затошнило – желудок словно вверх тормашками перевернулся. Меня потянуло вверх, в стороны. И когда я открыла глаза, мир пестрел всеми красками, звуки стали тише, острота зрения притупилась. Я снова была человеком.

Холод словно ждал этого момента, чтобы наброситься,

пробираясь под кожу. Меня затрясло. Я закашлялась, и спокойно стоявшая до этого момента лошадь подскочила, заржала, пытаясь изобразить паническое вставание на дыбы.

Я с ужасом представила перспективы остаться голой в лесу с раненой девушкой на руках и заорала так, что у самой уши заложило:

- Стоять!

Рванула, поскальзываясь на мокрой траве к лошади, которую мой дикий крик ввел в состояние ступора, приморозив к месту. Повезло, что повозка помешала ей сорваться сразу в галоп.

- Свои, дура! – ухватила за уздечку. – Никогда голых женщин не видела? А про лису забудь. Не было ее, поняла. Показалось.

Мне было все равно, что болтать, главное - успокоить дурное животное. В лицо мне тяжело дышали подгнившей травой, но уши прижимать и скалить зубы перестали.

- Ну пожалуйста, ты нам нужна. Неужели бросишь свою хозяйку? Ты же такая храбрая. Когда всех стрелами утыкали, никуда не сбежала. Так чего сейчас истерику закатила?

Лошадь тяжело вздохнула и с видом – достали внезапно облик менять – ткнулась мне в лицо. Осторожно принюхалась, проверяя, не нечисть ли. Потом отстранилась и меланхолично потянулась к клочку травы у копыт.

Фу-у-х. Аж от сердца отлегло. Сбеги она... был бы у нас полный трындец.

Я зябко передернула плечами и, осторожно переступая через вымазанную в кровь траву, шагнула к повозке. Ломая ногти, потянула за узлы, развязывая поклажу. Сняла первый сундук. Угадала – одежда. Стуча зубами от холода, натянула белые штаны, завязала двумя завязками с каждой стороны рубашку. Потом надела верхнее ханьфу серо-зеленого цвета, состоящее из рубашки и юбки, которая просто завязывалась под грудью. Обувь, преодолевая отвращение, сняла с мертвой служанки.

Нервно одернула юбку. Уныло оценила длину рукавов и замотала их вокруг запястий, чтоб не болтались и не цеплялись за все подряд. И только сейчас окончательно поверила в то, что я человек, а то мозги несколько сомневались в глупости реальности.

Заглянула в повозку. Узрела одеяло и накинула на манер плаща – сразу теплее стало. Посмотрела под лавки. Здесь должны были везти самое ценное: драгоценности, книги и... лекарства.

Они обнаружили в втором сундучке: полоски белой ткани, мешочки с травами, имбирный порошок, фарфоровые бутылочки, бронзовый ножик. Понятие не имею, какой из порошков кровоостанавливающее. Оставим пока это. Повязки будет достаточно.

Я присела на корточки. Осторожно разрежала ножом одежду. Хм, рана выглядела не слишком хорошо – кожа вокруг потемнела, но я не специалист. Зато кровь не сочилась.

Стрела сейчас затыкала собой поврежденные сосуды, трогать ее было нельзя.

Скинула одеяло, примериваясь, как встать удобнее, чтобы подпилить древко. Приставила лезвие и тут мне в ногу вцепились чьи-то пальцы.

Я шарахнулась, шлепнувшись на попу, а девчонка повернула ко мне голову.

- Тащи давай, - прошелестела она еле слышно бескровными губами.

- Что? – переспросила ошарашенно, решив, что ослышалась.

- Стрелу вытаскивай, - повторила она, морщась от боли.

- С ума сошла? – взорвалась я. – Кровью хочешь истечь? У меня ни жгута, ни... - запнулась, поняв, что этих слов местные вряд ли знают.

- Стрела отравлена, не вытащишь – меня скоро предки встретят. А кровь я и сама остановлю, - и она мучительно закашлялась.

- Отравлена?

- Оглянись, - посоветовали мне.

И я прошла взглядом по мертвецам, вбирая носом воздух, словно все еще была лисой. Запнулась о выступающие вены на лице одного из слуг. Похолодела. Кажется, мне говорили правду. Впрочем, вряд ли кто-то стал бы врать о таком.

- Ладно, попробуем, - смирилась с неизбежным.

- Только не жалея, дергай сильнее, - попросила девушка.

– Лекарства возьми. Рыжий порошок – противоядие. Засыпь сразу, как я кровь остановлю.

- Вино есть? – спросила я глухо.

- В повозке кувшин, - еле слышно донеслось до меня, и она без сил опустила голову на траву.

Я омыла руки вином. Тщательно вытерла чистой тканью. Так себе стерилизация... Тут бы спирта, кипяченой воды, огня, на худой конец.

Сделала пару тампонов из ткани. Под руку поставила бутылочку с порошком.

Что еще? Свернула в жгут полотнище и попыталась засунуть девчонке в рот, чтобы язык не прикусила. Та сначала отказывалась, потом все же взяла.

Ну-с. С Богом.

Перекрестила спину девчонки и стрелу. Коротко помолилась.

Встала на колени. Одной рукой уперлась ей в спину, второй ухватила за древко.

Мамочки, страшно-то как!

Прикрыла глаза, досчитала до трех и рванула с силой.

Девчонка выгнулась дугой, замычала от боли.

Кровь теплой струей плеснулась мне на ладонь.

Твою же... Что так много-то? Отбросила стрелу, дрожащей рукой прижала рану тампоном.

- Помоги сесть!

Прохрипела девчонка, выплевывая жгут.

Надо же... И сознание не потеряла. Сильная.

Приподняла ее, облакачивая боком о колесо повозки. Одной рукой придерживала, чтоб не упала, второй затыкала тканью рану. Тщетно. Оттуда продолжало хлестать.

И тут что-то изменилось. Мир стал ярче, словно на него светофильтр наложили мультяшный такой... А вот звуки, наоборот, приглушились. Ветер стих. Лошадь перестала тяжело вздыхать. Я и сама дыхание затаила, ожидая чего-то... И меня не обманули. Воздух вокруг девушки дернулся, уплотнился, расцвел двумя трассирующими линиями: белой и зеленой и потек к спине.

Что это?

Световой пунктир проходил сквозь мою ладонь, вызывая холодящую щекотку.

Я осторожно убрала руку. Хм, пока не понятно, что там с раной. Но кажется, это то самое исцеление, о котором говорила девчонка. Магия? Занятно.

И тут барышня задышала чаще, начав заваливаться вперед. Пунктир побледнел, стал реже.

Нет-нет, не отключайся! Рано еще.

Кровь не остановилась и продолжала вытекать. Я в панике затормозила девушку, но та лишь стонала, не открывая глаз. Лицо на глазах восковело, наливаясь мертвенной бледностью.

В последней надежде я попыталась поймать исчезающий пунктир. Дотянуть его до спины. И мое желание было услы-

шано.

Пунктир вспыхнул ярко в ладони, и я поспешно – для анализа еще будет время – направила его на рану. Теперь пунктирные линии: белая и зеленая шли от меня, вызывая странные эмоции. Внутри что-то отзывалось на мои усилия, словно было живым.

Я подавила желание прекратить опыт, задавив страх.

Отпустила линии только когда убедилась, что рана больше не кровоточит. Голова слегка кружилась, и в ней наблюдалась ошеломленная тишина. Внутреннее «я» было в шоке от меня самой.

Я засыпала в рану порошка, туго перевязала плечо. Девчонка пришла в себя, когда я уже заканчивала.

Откинулась, морщась, на колесо. Глянула прямо и уверенно так отбила:

- За помощь спасибо. Все, что хочешь взамен проси, кроме души. Ее не отдам, лиса.

Глава 5, в которой лиса заключает сделку и обретает семью

Приехали...

- Какая лиса? Ты бредишь? – я попыталась увильнуть от ответа.

- Я твой оборот видела, - с кривой усмешкой похоронила она мои надежды избежать разоблачения. – Но против тебя ничего не имею. Поможешь добраться домой – отплачу

серебром, тканями, посудой. А если тебе мужчины потребны, могу раба подарить. Молодого. Симпатичного. Будет тебе зимой постель в норе греть.

Вот же наглость...

- Ну почему только мужчины потребны, - не удержалась я от сладкой улыбки, призывно облизав губы...

Девчонка глянула в панике, вжалась в колесо...

Так-то лучше. А то раскомандовалась, словно я ей что-то должна. Рабом откупиться решила, будто мне есть чем его кормить. Еще и с таким видом, словно бриллиантом одарила. Смешная... Не верю я, что лисам заняться больше нечем, чем рыскать по лесу в поисках мужиков и склонять их к постельным делам. Какой в этом смысл? Чем свои кавалеры не угодили?

- Я не могу... - залепетала девица, глядя на меня в ужасе. Я не выдержала и захохотала, испугав подтягивающихся на поляну ворон, и те поднялись раздраженным черным облаком с веток, обматерив нас громким карканьем.

Напряжение последних часов сработало пусковым механизмом, вызвав приступ истеричного хохота. На меня уже смотрели с откровенным ужасом.

Понимаю... Сошедший с ума демон – опасен вдвойне.

- Прости, - повинулась, вытирая слезы из глаз. – Первый раз из человека стрелу достаю. Перенервничала.

Прозвучало неоднозначно. Черт. Я уже в роль лисьего духа вхожу... Хотя непонятно, что лучше: гостя из чужого ми-

ра или пугающая, но все же своя нечисть.

- А мужчины меня сейчас в последнюю очередь интересуют, - призналась честно, усаживаясь рядом с девчонкой на траву и опираясь спиной о повозку. Устала за сегодня так, словно бревна по поляне таскала. Похоже, оборот забирает много сил.

Мы помолчали. Успокоенное тишиной воронье потихоньку возвращалось обратно. Мертвых нужно бы похоронить, но я на это сейчас не способна, а барышня тем более. Да и хоронить тела лучше на кладбище, а не в лесу...

- И чего ты хочешь? – осторожно уточнила девчонка, у которой мой дикий хохот стер надменность. – Ци тебе не нужна, у тебя вон ее сколько... Аж светишься. Я целитель, жизненные силы сразу вижу.

Даже так? Целитель? Потому и яд смогла определить и на извлечение стрелы решилась. Надеялась, что я ее своей силой поддержу. Только ошиблась она - свечусь не я, а жемчужина. А с учетом числа желающих добратся до артефакта... Мне срочно нужно научиться ее прятать.

- Желаю среди людей пожить. Любопытно мне.

Повернула голову к барышне, хлопнула глазками. Еще бы и хвостом вильнула, если бы могла.

Та поморщилась, тяжело вздохнула, обдумывая непростую просьбу. Знаю, что прошу многое. Дать покровительство. Легенду придумать. Родным что-то наговорить.

Я внимательно следила за выражением лица девчонки.

Должна понимать, что я ей свою жизнь вручаю. Захочет сдать меня властям – кто помешает? Только ее порядочность и данное слово.

- Полгода, - выдохнула она, наконец.

- Год, - возразила я. – И служанкой быть не желаю.

Лиса я или где. Как там было про помойку, на которой себя никто не находил?

Да и служанкой мне не вырваться из дома. Пару раз улизну, а после вышвырнут на улицу. И барышня не сможет вечно заступаться. Дома она не главная над слугами.

Где-то вдалеке одиноко и тоскливо провыл волк. Хищников манил запах крови.

Девчушка покосилась на меня с сомнением, поморщилась, повела раненным плечом, потом решила:

- Пусть Небо и Земля будут свидетелями, я, Жэнь Шаоюй, даю кров лисьему народу на год в обмен на помощь и защиту моего дома.

Хитро. Она меня берет к себя, а в обмен просит решить ее проблемы. С другой стороны, еще неизвестно у кого этих самых проблем больше.

- На моей земле не причинять вреда невинным и не порочить честь семьи.

Кивнула.

- Разумеется.

- Тогда помоги сесть в повозку, - попросила девушка, бросая тревожный взгляд в лес. Боится, что нападающие вер-

нутся проверить мертва ли жертва? Или волки придут полакомиться мертвецами?

- Кто на вас напал? Разбойники? – спросила, подставляя ей плечо.

- Не знаю, - со стоном – движение потревожило рану – ответила она. – Все так быстро случилось, я не успела их разглядеть.

И сказано было так, что я ощутила промелькнувшую в словах ложь. Какая-то у нас с ней странная игра выходит, словно мы обе лисы и прячем друг от друга мышей.

- Цин Ли жалко, - всхлипнула она вдруг, оборачиваясь и бросая страдальческий взгляд на мертвую служанку.

- Мы пришем кого-нибудь их забрать, - твердо пообещала я, - и ты сможешь ее оплакать и похоронить.

Девчушка убито кивнула. Я помогла ей забраться в повозку, кинула туда одеяло, и она с благодарностью укуталась в него. Несмотря на мое лечение, ее начало потряхивать.

Разместившись на передке, я подобрала вожжи.

- Пошла, - щелкнула ими. Лошадь ответила недовольным фырканьем, но послушно тронулась с места. Волки ее тоже тревожили.

Я опустила вожжи, позволяя животному самому выбрать дорогу, и повернув направо, мы с успокаивающим скрипом покатили по лесному тракту.

За спинами на поляну слеталось воронье.

Некоторое время ехали молча.

- Расскажи о себе, - попросила я девушку. Раз она представит меня семье, нужно хоть что-то о ней знать. Мне не ответили. Встревоженная я заглянула в повозку. Шаоюй без сознания лежала на скамейке. Но хоть дышала.

- Тише, не тряси, - прикрикнула я на лошадь, хоть та и так еле копыта переставляла. Животина обиженно шевельнула ушами и укоризненно вздохнула.

Примерно через час лес впереди начал редеть, обнадеживая просветами. Появились первые вырубki. Дорога стала шире, ухоженнее.

Я ехала, размышляя о том, куда меня в итоге занесло бабкино проклятье. Вряд ли это прошлое. Не слышала я, чтоб в Китае драконы дарили людям жемчужины, как и об исцелениях энергией. Другой мир? Вполне может быть. Но если я смогла вытянуть сюда тело, смогу и вернуться. В теории.

Мы выехали на простор - справа и слева потянулись поля, а впереди меж редких деревьев темнели крыши домов. Я выдохнула – сомневаюсь, что кто-то посмеет напасть вблизи деревни, и тут нам в спину ударил перестук копыт: громкий, нагоняющий, не оставляющий шанса избежать встречи. Да и куда прятаться, если мы в окружении полей, на которых зелеными полосками виднелись ростки озимых.

- Господи, пронеси их мимо, - прошептала, потеряно глядя по сторонам. Потом поспешно осмотрела себя. Ну конечно! Смело в вурдалаки записывать можно. На ханьфу темными пятнами выделялась кровь. Еще и лицо, небось, испачка-

но. Про руки молчу. И я попробовала спрятать их в рукава.

Топот неумолимо приближался. С испуга показалось – за нами целая армия гонится. Я поспешно направила повозку к краю дороги, чтоб не затоптали.

- Стоять! – оглушило меня криком, а в следующий миг повозку тряхнуло – рядом со мной приземлился мужчина, и я ощутила холод лезвия у горла.

Приехали. Нас окружил с десяток всадников, беря в плен. Лошадь, предательница, и не думала сопротивляться, меланхолично подергивая хвостом.

- Отвечай, где Жэнь Шаоюй! – заорал мне в лицо какой-то парень в темно-синем ханьфу. Его пальцы клещами сжали мое плечо.

Нас догнали те самые «проблемы», о которых говорила девчонка? Или это свои? Мой подсказчик без сознания валялся в повозке.

- Говори, если жить хочешь! – парень тряхнул меня так, что зубы клацнули друг о дружку.

Ответом внутри поднялась волна ледяной ярости. Я вскинула на него взгляд, прищурилась.

- А если нет? Убьешь?

После нескольких часов среди мертвецов я устала бояться.

- Как ты смеешь неуважительно разговаривать с господином?! – возмутился охранник.

Я поймала лезвие двумя пальцами, отодвинула от горла.

- Не люблю, когда мне угрожают, - подарила господину кривую ухмылку.

И тут за спиной донеслось слабое:

- Братик...

Меня отпихнули в сторону, в объятия того самого... с мечом. Мужчина ухитрился одной рукой не дать мне упасть, второй отводя в сторону меч.

- Не дергайся, - предупредил он сурово, давая понять, что ничего еще не закончено.

Из повозки доносился горячий шепот, перемежаемый слабыми ответами девчонки.

Я старательно прислушивалась, боясь пропустить хоть слово. Итак, грозный парень – ее старший брат. Кто-то предупредил его о слежке за сестрой – одному из слуг удалось сбежать до нападения на отряд. Вот парень и сорвался с отрядом личной стражи. Прибыл на поляну, а там лишь трупы – повозки нет. Обезумев от страха, понесся по следу колес. А когда увидел меня – всю в крови, так и вовсе голову потерял. Повезло - не прирезал.

Я вспомнила его бешенный взгляд и зябко передернула плечами. Красивый и дико жестокий... Внутри жалобно проскулила лиса, предлагая держаться от опасного красавчика подальше.

Да, я ее чувствовала – свою звериную половину. Большую часть времени она спала, просыпаясь лишь в минуты опасности или сильных переживаний, и тогда к моей панике до-

бавлялась ее... И было непросто разделить эмоции. Вот такая клиника...

Дальше разговор пошел обо мне. То, что я спасла Шаоюй, мне было известно, а вот то, что мы учились с ней в одной школе целителей... Сюрприз. Как и то, что я единственная дочь владельца травяной лавки, живем мы в соседнем городе за горой, и вместе с отцом я как раз собирала в этом лесу травы, когда на нас напали... Похоже, те самые негодяи. Мне удалось бежать, а отец пожертвовал собой, уводя их за собой и был убит.

«Проклятые брачники, совсем совесть потеряли! Охотятся на девиц, словно на зверей!» - гневно воскликнул на этих словах брат Шаоюй.

Охранник сочувственно вздохнул, убрал руку с моего плеча, и я, спохватившись, сделала скорбное лицо. Траур же. Хоть и непонятно, кто такие брачники и почему они охотятся на девиц, еще и убивают их...

Дальше по словам Шаоюй я хоронила отца, оплакивала его и, скрываясь, плутала в лесу, пока чудом – Небо помогло – не вышла на поляну.

- Мы теперь сестры, - прошептала Шаоюй. – Ей некуда идти. Брат, она может пожить у нас, пока найдет свою родню?

- Конечно, А-Юй, для твоей спасительницы у нас всегда найдется место.

Фу-у-ух. У меня есть крыша над головой! А девчушка молодец. Такую историю сочинила... Только вот любая провер-

ка покажет ее несостоятельность. Даже в школу не надо будет обращаться за подтверждением моей личности или разыскивать лавку отца. Мои познания по травам были крайне ограничены. А ведь говорила бабушка: «Учись народной медицине, всегда пригодится». Мне смутно помнилось, что она использовала имбирь, женьшень, ягоды годжи и хризантему, пичкая меня ими на каникулах. А этого явно мало для травницы...

- Позовите ее, - донеслось повелительное из повозки.

Передо мной предупредительно отодвинули занавесь.

Мужчина сидел на скамейке, нежно обнимая сестру. Та все так же куталась в одеяло, но выглядела уже не столь бледно. Похоже, лекарство работало, и распространение яда удалось остановить. Чудесная новость. Шаоюй сейчас моя единственная надежда на нормальную жизнь.

Мое появление привлекло внимание господина. От его цепкого, изучающего взгляда не укрылись грязная одежда, кровь на коже, беспорядок на голове – пока ехали, я успела заплести волосы в простую косу.

Я нервно дернула ткань юбки, поправляя одежду. Напряглась, ожидая его реакции. Вдруг он продвинутый маг и опознает мой второй облик? С этими местными не знаешь, чего ждать.

- Садись, - скомандовал мне брат Шаоюй.

Я подавила желание возмутиться – мы не в армии, с усилием опустила глаза в пол, как подобает воспитанной деви-

це в присутствии постороннего мужчины и заняла место на скамье напротив.

- Хайлин, позволь мне представить мою старшую сестру... - начала было Шаоюй, но я перебила ее, испугавшись, что мне достанется сложное или неприлично произносимое имя.

- Меня зовут Да Ли Я, господин. Да, как великая. Ли – прекрасная. Я – изящная.

Необычное имя для здешних мест, да и фамилия весьма редкая. Вот и Хайлин задумчиво нахмурился, оценивая звучание.

- Хорошее имя, - выдал он, наконец. – Вам подходит. Ваша семья с севера? Внешность у вас необычная.

- Ее отец привез мать с севера, - подтвердила Шаоюй, почему-то хмурясь и недовольно кусая губы. Она кинула на меня предупреждающий взгляд. Не поняла? Я что-то не так сделала? Чувствую себя настоящей лисой среди странных двуногих.

- Моя семья благодарна вам за спасение Шаоюй, барышня Да и с радостью предоставит вам кров. Вы пострадали за эти дни. Отдохните, приходите в себя. Я помогу вам найти родных, которые готовы будут вас принять. До этого времени семья Жэнь – ваша семья.

Вежливые слова не вязались с неприязненно-подозрительным взглядом. Хайлин явно был не в восторге принять в семью чужака. Взаимно. Всегда недолюбливала снобов.

Он отдал команду, и повозка покатила по дороге.

Мы миновали несколько небольших поселков. В одном из них вдоль дороги тянулись глинобитные домики с соломенными крышами, пахло дымом, свежими лепешками — я сглотнула голодную слюну, с любопытством выглядывая из окна повозки. У колодца кто-то судачил, тихо смеясь. В другой деревне нас ждали каменные лавки с деревянными ставнями, сторож у ворот, лениво постукивающий копьём о землю. Люди украдкой косились на отряд, но дорогу уступали без лишних вопросов.

Когда солнце уже клонилось к закату, впереди показались высокие стены с зубчатыми башнями. Факелы у ворот дрожали в сумраке, и от этого казалось, будто город плывет над землей. Стража без лишних расспросов расступилась, узнав отряд Жэнь, и мы въехали под громкие, протяжные удары ночного колокола.

Хайлин пересел на коня, и Шаоюй шепотом рассказывала мне о месте, где мне предстояло жить. Город, в который мы въезжали, назывался Чаньюнь. Он лежал в широкой долине, у подножия горного хребта, и славился рынками, караванной торговлей и оружейными мастерами.

Семья Жэнь оказалась не просто знатной. Отец Шаоюй фактически владел городом, будучи его главой. Теперь стали понятны и замашки девчонки, и снобизм ее брата.

Новость так себе... Я бы предпочла, будь они не столь знатны... Впрочем, выбора у меня все равно нет.

Внутри Чаньюнь оказался куда больше, чем я ожидала.

Улицы петляли, уходя вглубь кварталов, где теснились лавки, склады, жилые дома, постоянные дворы. По мостовой глухо стучали копыта, перекликалась стража, из увеселительных заведений слышалась музыка. Город готовился ко сну...

Отряд свернул в более спокойный, зажиточный район. Здесь дома прятались за высокими заборами, кроны старых деревьев нависали над дорогой, а вместо лавок тянулись сплошные каменные стены с резными воротами.

Усадьба семьи Жэнь называлась Усадьба Цветущего Инея.

Перед нами распахнулись массивные ворота, украшенные резьбой в виде переплетающихся пионов и облаков. Внутри мы въехали по широкой мощеной дорожке, по обе стороны которой тянулись аккуратные клумбы, в сумраке угадывались силуэты бамбука, слив и старых сосен.

Во дворе нас уже ждали. Склонив головы, слуги с фонарями выстроились у крыльца. Хайлин поспешил к повозке, осторожно помогая Шаоюй спуститься.

Я прыгнула следом, чувствуя, как после дороги ноют ноги и скачет усталость по телу. Отряд рассыпался по двору, воины передали лошадей конюхам, кто-то тихо переговаривался, кто-то снимал оружие.

С крыльца с криком сбежала женщина, бросилась к девушке, ощупывая ее дрожащими руками. Дальнейшее воссоединение семьи от меня загородили спины стражи и слуг, а через мгновение передо мной склонилась девушка в серо-го-

лубом платье:

— Следуйте за мной, госпожа.

Я была не против удалиться, где-нибудь упасть и забыться сном. И чтобы никто меня не трогал пару дней...

В голове едкой насмешкой крутилось предупреждение от Шаоюй, которое она бросила, прежде чем выйти из повозки:

- Не вздумай к нему приближаться! Мой брат не станет твоей едой!

Я представила надменного красавчика, лежащего обнаженным на блюде, обложенного фруктами и кусочками сыра, политого соусом и с трудом удержалась от нервного хихиканья. То есть любые мои чувства к мужчинам в глазах Шаоюй – покушение на их печень. Так и хотелось клацнуть девчонке вслед зубами.

Мы прошли через крытые галереи, где фонари отбрасывали теплые оранжевые пятна на стены, пересекли внутренний двор с прудом. Усадьба была просторной и богатой. Здесь явно не скупилась на обстановке...

Выделенная мне комната была просторной: низкий столик у окна, ширма с вышитыми ирисами, постель с пахнущим травами бельем. Чистая одежда на стуле. В углу стоял медный таз с горячей водой — обо мне позаботились быстрее, чем я ожидала.

Когда за служанкой закрылась дверь, я медленно опустилась на край постели и только тогда позволила себе выдохнуть.

Я жива.

У меня есть кровать.

И опасно красивый старший «брат», которому я не нравилась.

- Лю-ма-ши-ка, - неуверенно повторила Шаоюй, задумчиво наморщила лоб, покачала головой: - Понятие не имею, о чем ты. Может, это особая лисья трава? Что вы там используете, когда лечитесь?

- Обычная это трава, - обиженно фыркнула я, порядком устав от намеков на мою лисью натуру. - Мелкие такие цветочки с белыми лепестками.

Уже час мы пытались проверить мои познания в лекарственных травах. Выходило удручающе мало. То, что знала я, не было известно Шаоюй. К тому же я совершенно не разбиралась в циркуляции ци по меридианам, в балансе инь и ян, от которых напрямую зависело состояние здоровья человека.

- Не понимаю, чему вас вообще учат в лесу, - недовольно поджимала губы Шаоюй, раскладывая передо мной рукописи, - но раз я за тебя отвечаю, буду делать из тебя ученую лису. Хорошо хоть читать и писать ты умеешь.

Когда у тебя два высших образования, слышать подобное обидно. С другой стороны, куда я со своим бизнес-управлением? Лавкой руководить? Так кто мне ее доверит? Да и в местной торговле столько нюансов, о которых ни в одном ву-

зе не расскажут... Опять же чужака в семейный бизнес, еще и женщину, никто не пустит. Даже если у нее профильное образование.

Я была удивлена тем, что Шаоюй позволили учиться, о чем и поинтересовалась у девушки.

Оказалось, целительство здесь — не про осознанный выбор. В прошлом дед нынешнего императора издал указ, по которому целительские школы принимали всех, вне зависимости от рода и денег. Главное — наличие способностей. Причем обнаружив оные, подданный обязан был идти учиться. А страна здесь такая, что за невыполнение императорского указа быстро отправят в тюрьму.

Скоро в дополнение к имевшимся школам повсеместно были открыты женские. Они принимали лишь грамотных, и шли туда дочери аристократов, чиновников, ученых, на худой конец — торгашей. Были и общественные, где учили детей бедняков. Их уже не разделяли по полу, и будущих целителей сначала обучали читать и писать, отправляя потом работать в бесплатные больницы для бедняков.

Я села удобнее, расправила складки на белой юбке. Легенда подразумевала ношение траура, отказ от участия в праздниках и небольшой «алтарь» с чашкой воды и благовониями в комнате. Ставить полноценную табличку я не имела права, что меня устраивало. Поминать несуществующего человека было дико... А вот траур был удобен: меньше внимания от господ, больше сочувствия от прислуги: «Такая молодая и...

сирота».

Семья Шаоюй приняла меня с холодной вежливостью. И если глава семьи соблюдал нейтральное выражение лица – работа обязывала, то жена и обе наложницы глядели на мои траурные одежды с явной неприязнью. В их взглядах читалось опасение принимать ту, чей отец трагически погиб. К сиротам тут вообще, как к прокаженным, словно они виноваты в постигших их бедах. А еще местные уверены, что несчастьем другого человека можно заразиться, как гриппом.

Ну и мой низкий статус дочери лавочника затмевал даже факт спасения их дочери. Так что меня сдержанно поблагодарили. Заверили, что дадут кров бедной сиротке, пока та ищет дальних родственников. Одарили тканью на одежду, благовониями, обувью, лянном серебра и отослали с невысказанным желанием не видеть меня больше...

Во время своего представления я честно старалась не косячиться на женщин, но не могла отделаться от мысли, как они уживаются втроем под одной крышей, как делят мужа, детей... Кажется, я понимаю, почему местные цепляются за правила. С такой семьей, чтобы не впасть в хаос, нужны четкие уложения. Нечто вроде нашего домостроя.

- Ты меня не слушаешь! – одернула меня Шаоюй, и ее веер ткнул в книгу, где было изображено человеческое тело с потоками энергии.

- Слушаю, - дернула я плечом, прогоняя лишние мысли о наложницах и женах.

- Через три недели женский совет устраивает день помощи беднякам, и так как моя мать его глава, мы с тобой обязаны участвовать. Ты не можешь меня подвести, - веер с предупреждением стукнул по столу.

Я тоскливо вздохнула. Почему все так сложно?

Хотя зря я жалуюсь. Той же Шаоюй не дали нормально поправляться после ранения, подняв уже на следующий день. Нагрузили моим представлением семье, какими-то внутренними дела, приветствием бабушки. Девушка морщилась, старалась не делать резких движений, но возражать воли старших и не думала.

Сурово тут... И пусть мне кто-нибудь скажет, что местные барышни сама слабость. Они сталь, тщательно маскирующаяся под бархат.

Итого, у нас три недели, чтобы выдать меня за ученицу школы целителей. Я оглядела стопку учебников на столе, представляя, сколько всего предстоит вы зубрить... Еще с настойками разбираться, мазями, ну и главный навык – по биению сердца определять болезнь пациента. Для меня это звучало откровенной фантастикой, но Шаоюй заверила, что именно так все и работает...

А еще завтра мне в храм. На ночное бдение. И я понятие не имею, как туда попасть...

Зато выяснила, кто такие брачники – слуги императора, разыскивающие по стране наложниц для его величества. Не знаю, зачем его величеству такое количество женщин, но он

отбирает себе молодых и красивых со всех краев империи.

Об этом осторожно шептались служанки. От них же я узнала, что барышню уже пытались забрать, но отец был против и отправил дочь в тайное убежище на горе. Добраться туда Шаоюй не успела – ее перехватили по дороге. Убивая охрану и слуг, похоже случайно ранили и барышню. Не получив девушку, убрались прочь. Потому вещи и не тронули.

А дальше? Они вернутся? Или уверены в смерти девушки, и потому не станут больше за ней охотиться?

Шаоюй держалась спокойно, ничем не показывая, что чего-то боится. Или у ее семьи есть запасной план?

Выспрашивать я не решилась, оставив вопросы до удобного момента.

- Что думаешь об этой Да Ли Я? – поинтересовался глава семьи у сына. – Никогда не слышал о такой фамилии... Явно что-то северное. Да и внешность у нее... - и он задумчиво потрогал бороду.

- Нужно проверить, - согласился Хайлин. Придержав длинный рукав ханьфу, он потянулся налить отцу чай. – Разберемся с ведомством отбора, и я отправлю человека в соседний город найти лавку травника. Не то, что я не доверяю сестре, но проверить хотелось бы. Да и вещи забрать, пока соседи не растащили.

- Люди императора покинули город, - нахмурившись, проговорил мужчина. – Знают, что перешли черту. Если станет

известно о нападении, многие будут недовольны при дворе.

- Хотите приберечь донесение, отец? – понимающе уточнил Хайлин.

- Если сейчас поднимем волну, она снесет и нас. Хочу, чтобы за ними осталась вина. Проще будет справиться, когда они вернуться, а пока я переговорю с семьей Чжан. Как только вернется их наследник – объявим о помолвке и сразу выберем дату свадьбы. А ты проследи, чтобы люди императора не появились в самый неподходящий момент...

- Слушаюсь, отец, - склонил голову Хайлин.

Глава 6, в которой лиса встречается с родней

- Если бы не правило «Ученой верности», - проворчал Юншэн, - давно бы уже выдали А-Юй замуж и жили спокойно. А так пришлось ждать, пока она закончит школу.

- Моя вина, отец, я подозревал, что за ученицами наблюдают, но не думал, что они решатся на открытое нападение, - покаянно опустил голову Хайлин.

- Нет тут твоей вины, сын. Я был слишком прямолинеен, когда брачники заявили к нам в дом со списком наложниц. Не сдержался, дав понять, что не отдам А-Юй. Потому и следили за ней от школы, а когда увидели, что повозка возвращается не в город, а направляется в горы – напали. Стрелами отравленными атаковали, дабы живых свидетелей не осталось. Я распорядился выплатить деньги утешения семьям погибших, а того храбреца, что смог тебя пре-

дупредить – наградить. Слуги болтать не станут. Пусть для всех А-Юй не вернулась из школы.

Хайлин кивнул, соглашаясь. Для сестры так будет безопаснее. А после подписания брачного контракта с семьей Чжан можно будет не бояться службы отбора.

- Я прослежу, чтобы она не выходила в ближайшие две недели из дома, - пообещал он, думая о том, как непросто будет удержать сестру дома. Ему уже доложили, что она собирается с матерью помогать беднякам, и если не пустить – попробует сбежать. Избаловал он ее, сделав слишком самоуверенной и смелой. А-Юй даже императора не боится.

- Меня тоже беспокоит Да Ли Я. Тебе не кажется, она слишком вовремя появилась на поляне?

- Пришла проверить, действительно ли мертва А-Юй? – нахмурился Хайлин. – Думаете, отец, она может быть шпионом императора?

- Не исключено, - задумчиво дернул себя за бороду Юншэн. – Слишком подозрительно ее появление в лесу. Хотя внешность у нее необычная... Могла привлечь службу отбора, несмотря на возраст.

- Слышал, брачники, не брезгают и двадцатилетними, - фыркнул пренебрежительно Хайлин. – Не беспокойтесь, отец, я глаз с нее не спущу. И как можно скорее отправлю человека проверить лавку.

- Добро, - кивнул Юншэн. – Я распоряжусь усилить пригляд за северным крылом. Даже если она говорит правду,

не стоит ей знать о нашем госте.

Испросив позволение у отца, Хайлин откланялся. Дел в последнее время было много, и в первую очередь следовало начать подготовку к свадьбе сестры. Плохо, конечно, что не удастся соблюсти правильность ритуалов, но после начала отбора жители империи привыкли к скорым свадьбам. Лучше поспешно выдать дочку замуж, чем больше никогда в жизни ее не увидеть.

Погода для ноября выдалась теплой и солнечной. Умаявшись сидеть за столом в четырех стенах, я выползла наружу в обнимку с учебником. Расположилась в открытой беседке с видом на заросший листьями кувшинок пруд.

Учеба давалась непросто. Я никак не могла привыкнуть к вычурной манере изъяснения авторов текстов. Вместо одного слова – десять. Вместо простых формул – призывания Неба и Земли, еще и святых императоров в свидетели. Так что я завела себе отдельную книгу, куда записывала все то, что удалось расшифровать. Рисовала схемы. Чертила графики.

Заглянув как-то ко мне через плечо, Шаоюй хмыкнула, заявив, что всегда знала – лисы думают не по-людски, заметив не без едкости, что почерк у меня нуждается в исправлении, а то пишу, как лапой.

Я не знала, радоваться или печалиться ее уверенность в том, что я лиса. С одной стороны, не нужно было объяс-

нять собственную чуждость этому миру. С другой... быть лисьим духом порядком надоело. Единственное удобство – я без опасения могла огрызаться на постоянные попытки Шаоюй командовать мною. Ну в крови у нее повелевать слугами, а с моим статусом она так и не определилась. Вроде и не служанка, но лиса точно не ровня благородной барышне.

Вдобавок Шаоюй зверем смотрела, стоило мне бросить взгляд в сторону ее брата, а тот, как назло, так и норовил попасться мне на глаза. То заглянет проверить сестру, то присоединится к чаепитию в беседку, то принесет какие-то особенные булочки, порадовать Шаоюй.

- Ты его специально очаровываешь, - шипела девушка, терзая в руках булочку. – Он никогда раньше не был таким внимательным, все время пропадая по делам.

Я чувствовала себя разочарованной. Выстроенный в моем воображении образ любящего и заботливого брата осыпался осколками лжи.

- Он сильно перепугался за тебя, - попыталась оправдаться я. – Вот и проявляет заботу.

- На тебя он приходит посмотреть, - не согласилась она, выкрашивая хлеб на стол. – Если он заболеет, - с угрозой начала она...

- Я его вылечу, - пообещала, сомневаясь, что успею освоить целительство настолько, чтобы хоть кому-то помочь.

Выдернула себя из мыслей, возвращаясь к учебе.

- Если больной бледен лицом, часто дышит, его покровы

холодны, - принялась читать я учебник. Насколько было бы легче, закончи я медицинский... Хотя тогда я не встретилась бы с Цай Сяо, меня не прокляли бы и не поместили в тело лисы...

И тут моих ноздрей коснулся знакомый запах. У меня аж волосы на теле дыбом встали. Лиса внутри дернулась, словно у нее перед мордой мышью помахали. Напряглась, как перед прыжком. Мир начал меняться...

Похолодев от ужаса, я представила, как оборачиваюсь среди бела дня...

Несколько томительных минут я собачилась со своей второй половиной, объясняя всю опасность оборота.

- Дура!
- Сама дура! Там кто-то из наших!
- Плевать!
- Кто-то на твоей территории, а ты даже лапу не поднимешь?

Звучало примерно так. Лиса словами, конечно, не бросалась, посылая в меня эмоции и образы.

Со вздохом я отложила в сторону рукопись. Поднялась. Поправила пояс на юбке. Проверила заколку. Местные были помешаны на деталях. Небрежен, значит, ненадежен. Неаккуратен, позволяешь себе ходить в грязном, значит, плохой человек.

Так что я привыкла постоянно следить за собой, чтобы не нарывать лишний раз на неодобрительные взгляды и поджа-

тые губы старших дам.

Запах дразнил, щекотал ноздри, и я пошла на него, удивляясь, что никого больше он не заинтересовал. Воняло же так, словно лис сидел у меня на коленях.

Обойдя какие-то сараи, я оказалась в дальнем уголке усадьбы. Здесь явно давно никого не было. Валялась старая повозка. Лежали горкой приготовленные для чего-то камни. А за ними виднелся рыжий кончик хвоста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.